ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Краткий автобиографический очерк «Я сам» был написан в 1922 году. Это — не автобиография в обычном понимании этого слова. Это — произведение художественно-публицистического жанра, насыщенное в ряде случаев острой полемикой.

-
- Владимир Маяковский
  - ТЕМА
  - ПАМЯТЬ
  - ГЛАВНОЕ
  - СОСТАВ СЕМЬИ
  - 1-ое ВОСПОМИНАНИЕ
  - 2-ое ВОСПОМИНАНИЕ
  - 3-е ВОСПОМИНАНИЕ
  - ДУРНЫЕ ПРИВЫЧКИ
  - КОРНИ РОМАНТИЗМА
  - НЕОБЫЧАЙНОЕ
  - УЧЕНИЕ
  - ПЕРВАЯ КНИГА
  - ЭКЗАМЕН
  - ГИМНАЗИЯ
  - ЯПОНСКАЯ ВОЙНА
  - НЕЛЕГАЛЬЩИНА
  - 905-й ГОД
  - СОЦИАЛИЗМ
  - РЕАКЦИЯ
  - 906-й ГОД
  - ДОРОГА
  - МОСКВА
  - МОСКОВСКОЕ
  - ПРИЯТНОЕ
  - РАБОТА
  - ГИМНАЗИЯ
  - ЧТЕНИЕ
  - ПЕРВОЕ ПОЛУСТИХОТВОРЕНИЕ
  - ПАРТИЯ
  - АРЕСТ
  - ТРЕТИЙ АРЕСТ
  - 11 БУТЫРСКИХ МЕСЯЦЕВ
  - ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ДИЛЕММА
  - НАЧАЛО МАСТЕРСТВА

- ПОСЛЕДНЕЕ УЧИЛИЩЕ
- ДАВИД БУРЛЮК
- В КУРИЛКЕ
- ПАМЯТНЕЙШАЯ НОЧЬ
- СЛЕДУЮЩАЯ
- БУРЛЮЧЬЕ ЧУДАЧЕСТВО
- ТАК ЕЖЕДНЕВНО
- ПРЕКРАСНЫЙ БУРЛЮК
- «ПОЩЕЧИНА»
- ПОШЕВЕЛИВАЮТСЯ
- ЖЕЛТАЯ КОФТА
- РАЗУМЕЕТСЯ
- ВЕСЕЛЫЙ ГОД
- НАЧАЛО 14-го ГОДА
- ВОЙНА
- АВГУСТ
- ЗИМА
- МАЙ
- КУОККАЛА
- «НОВЫЙ САТИРИКОН»
- РАДОСТНЕЙШАЯ ДАТА
- ПРИЗЫВ
- СОЛДАТЧИНА
- 16-й ГОД
- 26 ФЕВРАЛЯ, 17-й ГОД
- АВГУСТ
- ОКТЯБРЬ
- ЯНВАРЬ
- 18-й ГОД
- 25 ОКТЯБРЯ, 18-й ГОД
- 19-й ГОД
- 20-й ГОД
- 21-й ГОД
- 22-й ГОД
- 23-й ГОД
- 24-й ГОД
- 25-й ГОД
- 1926-й ГОД
- 1927-й ГОД
- 1928-й ГОД

- ПРИМЕЧАНИЯ

Вл. Маяковский

Владимир Маяковский
Я САМ

ТЕМА

Я — поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Люблю ли я, или я азартный, о красотах кавказской природы также — только если это отстоялось словом.

ПАМЯТЬ

Бурлюк говорил: у Маяковского память, что дорога в Полтаве, — каждый галошу оставит. Но лица и даты не запоминаю. Помню только, что в 1100 году куда-то переселялись какие-то «доряне». Подробностей этого дела не помню, но, должно быть, дело серьезное. Запоминать же — «Сие написано 2 мая. Павловск. Фонтаны» — дело вовсе мелкое. Поэтому свободно плаваю по своей хронологии.

ГЛАВНОЕ

Родился 7 июля 1894 года (или 93 — мнения мамы и послужного списка отца расходятся. Во всяком случае не раньше). Родина — село Багдады, Кутаисская губерния, Грузия.

СОСТАВ СЕМЬИ

Отец: Владимир Константинович (багдадский лесничий), умер в 1906 году.

Мама: Александра Алексеевна.

Сестры:

а) Люда

б) Оля

Была еще тетя Анюта. Других Маяковских, по-видимому, не имеется.

1-ое ВОСПОМИНАНИЕ

Понятия живописные. Место неизвестно. Зима. Отец выписал журнал «Родина». У «Родины» «юмористическое» приложение. О смешных говорят и ждут. Отец ходит и поет свое всегдашнее «алон занфан де ля по четыре». «Родина» пришла. Раскрываю и сразу (картинка) ору: «Как смешно! Мужчина с тетей целуются». Смеялись. Позднее, когда пришло приложение и надо было действительно смеяться, выяснилось — раньше смеялись только надо мной. Так разошлись наши понятия о картинках и о юморе.

2-ое ВОСПОМИНАНИЕ

Понятия поэтические. Лето. Приезжает масса. Красивый длинный студент — Б. П. Глушковский. Рисует. Кожаная тетрадища. Блестящая бумага. На бумаге длинный человек без штанов (а может, в обтяжку) перед зеркалом. Человека зовут «Евгенионегиным». И Боря был длинный, и нарисованный был длинный. Ясно. Борю я и считал этим самым «Евгенионегиным». Мнение держалось года три.

3-е ВОСПОМИНАНИЕ

Практические понятия. Ночь. За стеной бесконечный шепот папы и мамы. О рояли. Всю ночь не спал. Свербила одна и та же фраза. Утром бросился бежать бегом: «Папа, что такое рассрочка платежа?» Объяснение очень понравилось.

ДУРНЫЕ ПРИВЫЧКИ

Лето. Потрясающие количества гостей. Накапливаются именины. Отец хвастается моей памятью. Ко всем именинам меня заставляют заучивать стихи. Помню — специально для папиных именин:

Как-то раз перед толпою
Соплеменных гор…

«Соплеменные» и «скалы́» меня раздражали. Кто они такие, я не знал, а в жизни они не желали мне попадаться. Позднее я узнал, что это поэтичность, и стал тихо ее ненавидеть.

КОРНИ РОМАНТИЗМА

Первый дом, воспоминаемый отчетливо. Два этажа. Верхний — наш. Нижний — винный заводик. Раз в году — арбы винограда. Давили. Я ел. Они пили. Все это территория стариннейшей грузинской крепости под Багдадами. Крепость очетыреугольнивается крепостным валом. В углах валов — накаты для пушек. В валах бойницы. За валами рвы. За рвами леса и шакалы. Над лесами горы. Подрос. Бегал на самую высокую. Снижаются горы к северу. На севере разрыв. Мечталось — это Россия. Тянуло туда невероятнейше.

НЕОБЫЧАЙНОЕ

Лет семь. Отец стал брать меня в верховые объезды лесничества. Перевал. Ночь. Обстигло туманом. Даже отца не видно. Тропка узейшая. Отец, очевидно, отдернул рукавом ветку шиповника. Ветка с размаху шипами в мои щеки. Чуть повизгивая, вытаскиваю колючки. Сразу пропали и туман, и боль. В расступившемся тумане под ногами — ярче неба. Это электричество. Клепочный завод князя Накашидзе. После электричества совершенно бросил интересоваться природой. Неусовершенствованная вещь.

УЧЕНИЕ

Учила мама и всякоюродные сестры. Арифметика казалась неправдоподобной. Приходится рассчитывать яблоки и груши, раздаваемые мальчикам. Мне ж всегда давали, и я всегда давал без счета. На Кавказе фруктов сколько угодно. Читать выучился с удовольствием.

ПЕРВАЯ КНИГА

Какая-то «Птичница Агафья». Если б мне в то время попалось несколько таких книг — бросил бы читать совсем. К счастью, вторая — «Дон-Кихот». Вот это книга! Сделал деревянный меч и латы, разил окружающее.

ЭКЗАМЕН

Переехали. Из Багдад в Кутаис. Экзамен в гимназию. Выдержал. Спросили про якорь (на моем рукаве) — знал хорошо. Но священник спросил — что такое «око». Я ответил: «Три фунта» (так по-грузински). Мне объяснили любезные экзаменаторы, что «око» — это «глаз» по-древнему, церковнославянскому. Из-за этого чуть не провалился. Поэтому возненавидел сразу — все древнее, все церковное и все славянское. Возможно, что отсюда пошли и мой футуризм, и мой атеизм, и мой интернационализм.

ГИМНАЗИЯ

Приготовительный, 1-й и 2-й. Иду первым. Весь в пятерках. Читаю Жюля Верна. Вообще фантастическое. Какой-то бородач стал во мне обнаруживать способность художника. Учит даром.

ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

Увеличилось количество газет и журналов дома. «Русские ведомости», «Русское слово», «Русское богатство» и прочее. Читаю все. Безотчетно взвинчен. Восхищают открытки крейсеров. Увеличиваю и перерисовываю. Появилось слово «прокламация». Прокламации вешали грузины. Грузинов вешали казаки. Мои товарищи грузины. Я стал ненавидеть казаков.

НЕЛЕГАЛЬЩИНА

Приехала сестра из Москвы. Восторженная. Тайком дала мне длинные бумажки. Нравилось: очень рискованно. Помню и сейчас. Первая:

Опомнись, товарищ, опомнись-ка, брат,
скорей брось винтовку на землю.

И еще какое-то, с окончанием:

…а не то путь иной —
к немцам с сыном, с женой и с мамашей…

(о царе).

Это была революция. Это было стихами. Стихи и революция как-то объединились в голове.

905-й ГОД

Не до учения. Пошли двойки. Перешел в четвертый только потому, что мне расшибли голову камнем (на Рионе подрался), — на переэкзаменовках пожалели. Для меня революция началась так: мой товарищ, повар священника — Исидор, от радости босой вскочил на плиту — убили генерала Алиханова Усмиритель Грузии. Пошли демонстрации и митинги. Я тоже пошел. Хорошо. Воспринимаю живописно: в черном анархисты, в красном эсеры, в синем эсдеки, в остальных цветах федералисты.

СОЦИАЛИЗМ

Речи, газеты. Из всего — незнакомые понятия и слова. Требую у себя объяснений. В окнах белые книжицы. «Буревестник». Про то же. Покупаю все. Вставал в шесть утра. Читал запоем. Первая: «Долой социал-демократов». Вторая: «Экономические беседы». На всю жизнь поразила способность социалистов распутывать факты, систематизировать мир. «Что читать?» — кажется, Рубакина. Перечел советуемое. Многое не понимаю. Спрашиваю. Меня ввели в марксистский кружок. Попал на «Эрфуртскую». Середина. О «лумпенпролетариате». Стал считать себя социал-демократом: стащил отцовские берданки в эсдечий комитет.

Фигурой понравился Лассаль. Должно быть, оттого, что без бороды. Моложавей. Лассаль у меня перепутался с Демосфеном. Хожу на Рион. Говорю речи, набрав камни в рот.

РЕАКЦИЯ

По-моему, началось со следующего: при панике (может, разгоне) в демонстрацию памяти Баумана мне (упавшему) попало большущим барабанищем по голове. Я испугался, думал — сам треснул.

906-й ГОД

Умер отец. Уколол палец (сшивал бумаги). Заражение крови. С тех пор терпеть не могу булавок. Благополучие кончилось. После похорон отца — у нас 3 рубля. Инстинктивно, лихорадочно мы распродали столы и стулья. Двинулись в Москву. Зачем? Даже знакомых не было.

ДОРОГА

Лучше всего — Баку. Вышки, цистерны, лучшие духи — нефть, а дальше степь. Пустыня даже.

МОСКВА

Остановились в Разумовском. Знакомые сестры — Плотниковы. Утром паровиком в Москву. Сняли квартиренку на Бронной.

МОСКОВСКОЕ

С едами плохо. Пенсия — 10 рублей в месяц. Я и две сестры учимся. Маме пришлось давать комнаты и обеды. Комнаты дрянные. Студенты жили бедные. Социалисты. Помню — первый передо мной «большевик» Вася Канделаки.

ПРИЯТНОЕ

Послан за керосином. 5 рублей. В колониальной дали сдачи 14 рублей 50 копеек; 10 рублей — чистый заработок. Совестился. Обошел два раза магазин («Эрфуртская» заела). — Кто обсчитался, хозяин или служащий, — тихо расспрашиваю приказчика. — Хозяин! — Купил и съел четыре цукатных хлеба. На остальные гонял в лодке по Патриаршим прудам. Видеть с тех пор цукатных хлебов не могу.

РАБОТА

Денег в семье нет. Пришлось выжигать и рисовать. Особенно запомнились пасхальные яйца. Круглые, вертятся и скрипят, как двери. Яйца продавал в кустарный магазин на Неглинной. Штука 10–15 копеек. С тех пор бесконечно ненавижу Бемов, русский стиль и кустарщину.

ГИМНАЗИЯ

Перевелся в 4-й класс пятой гимназии. Единицы, слабо разноображиваемые двойками. Под партой «Анти-Дюринг».

ЧТЕНИЕ

Беллетристики не признавал совершенно. Философия. Гегель. Естествознание. Но главным образом марксизм. Нет произведения искусства, которым бы я увлекся более, чем «Предисловием» Маркса. Из комнат студентов шла нелегальщина. «Тактика уличного боя» и т. д. Помню отчетливо синенькую ленинскую «Две тактики». Нравилось, что книга срезана до букв. Для нелегального просовывания. Эстетика максимальной экономии.

ПЕРВОЕ ПОЛУСТИХОТВОРЕНИЕ

Третья гимназия издавала нелегальный журнальчик «Порыв». Обиделся. Другие пишут, а я не могу?! Стал скрипеть. Получилось невероятно революционно и в такой же степени безобразно. Вроде теперешнего Кириллова. Не помню ни строки. Написал второе. Вышло лирично. Не считая таковое состояние сердца совместимым с моим «социалистическим достоинством», бросил вовсе.

ПАРТИЯ

1908 год. Вступил в партию РСДРП (большевиков). Держал экзамен в торгово-промышленном подрайоне. Выдержал. Пропагандист. Пошел к булочникам, потом к сапожникам и наконец к типографщикам. На общегородской конференции выбрали в МК. Были Ломов, Поволжец, Смидович и другие. Звался «товарищем Константином».

АРЕСТ

Нарвался на засаду в Грузинах. Наша нелегальная типография. Ел блокнот. С адресами и в переплете. Пресненская часть. Охранка. Сущевская часть. Следователь Вольтановский (очевидно, считал себя хитрым) заставил писать под диктовку: меня обвиняли в писании прокламации. Я безнадежно перевирал диктант. Писал: «социяльдимократическая». Провел. Выпустили на поруки. В части с недоумением прочел «Санина». Он почему-то в каждой части имелся. Очевидно, душеспасителен.

Вышел. С год — партийная работа.

ТРЕТИЙ АРЕСТ

Живущие у нас ведут подкоп под Таганку. Освобождать женщин-каторжан. Удалось устроить побег из Новинской тюрьмы. Меня забрали. Дома нашли револьвер и нелегальщину. Сидеть не хотел. Скандалил. Переводили из части в часть — Басманная, Мещанская, Мясницкая и т. д. — и наконец — Бутырки. Одиночка № 103.

11 БУТЫРСКИХ МЕСЯЦЕВ

Важнейшее для меня время. После трех лет теории и практики — бросился на беллетристику.

Перечел все новейшее. Символисты — Белый, Бальмонт. Разобрала формальная новизна. Но было чуждо. Темы, образы не моей жизни. Попробовал сам писать так же хорошо, но про другое. Оказалось так же про другое — нельзя. Вышло ходульно и ревплаксиво. Что-то вроде:

В золото, в пурпур леса одевались,
Солнце играло на главах церквей.
Ждал я: но в месяцах дни потерялись,
Сотни томительных дней.

Исписал таким целую тетрадку. Спасибо надзирателям — при выходе отобрали. А то б еще напечатал!

Отчитав современность, обрушился на классиков Байрон, Шекспир, Толстой. Последняя книга — «Анна Каренина». Не дочитал. Ночью вызвали «с вещами по городу». Так и не знаю, чем у них там, у Карениных, история кончилась.

Меня выпустили. Должен был (охранка постановила) идти на три года в Туруханск. Друг отца Махмудбеков заявил, что револьвер его, и отхлопотал меня у Курлова.

Во время сидки судили по первому делу — виновен, но летами не вышел. Отдать под надзор полиции и под родительскую ответственность.

ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ДИЛЕММА

Вышел взбудораженный. Те, кого я прочел, — так называемые великие. Но до чего же нетрудно писать лучше их. У меня уже и сейчас правильное отношение к миру. Только нужен опыт в искусстве. Где взять? Я неуч. Я должен пройти серьезную школу. А я вышиблен даже из гимназии, даже и из Строгановского. Если остаться в партии — надо стать нелегальным. Нелегальным, казалось мне, не научишься. Перспектива — всю жизнь писать летучки, выкладывать мысли, взятые из правильных, но не мной придуманных книг. Если из меня вытряхнуть прочитанное, что останется? Марксистский метод. Но не в детские ли руки попало это оружие? Легко орудовать им, если имеешь дело только с мыслью своих. А что при встрече с врагами? Ведь вот лучше Белого я все-таки не могу написать Он про свое весело — «в небеса запустил ананасом», а я про свое ною — «сотни томительных дней». Хорошо другим партийцам. У них еще и университет. (А высшую школу — я еще не знал, что это такое — я тогда уважал!)

Что я могу противопоставить навалившейся на меня эстетике старья? Разве революция не потребует от меня серьезной школы? Я зашел к тогда еще товарищу по партии — Медведеву: хочу делать социалистическое искусство. Сережа долго смеялся, кишка тонка.

Думаю все-таки, что он недооценил мои кишки.

Я прервал партийную работу. Я сел учиться.

НАЧАЛО МАСТЕРСТВА

Думалось — стихов писать не могу. Опыты плачевные. Взялся за живопись. Учился у Жуковского. Вместе с какими-то дамочками писал серебренькие сервизики. Через год догадался — учусь рукоделию. Пошел к Келину. Реалист. Хороший рисовальщик. Лучший учитель. Твердый. Меняющийся.

Требование — мастерство, Гольбейн. Терпеть не могущий красивенькое.

Поэт читаемый — Саша Черный. Радовал его антиэстетизм.

ПОСЛЕДНЕЕ УЧИЛИЩЕ

Сидел на «голове» год. Поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества: единственное место, куда приняли без свидетельства о благонадежности. Работал хорошо.

Удивило: подражателей лелеют — самостоятельных гонят. Ларионов, Машков. Ревинстинктом стал за выгоняемых.

ДАВИД БУРЛЮК

В училище появился Бурлюк. Вид наглый. Лорнетка. Сюртук Ходит напевая. Я стал задирать. Почти задрались.

В КУРИЛКЕ

Благородное собрание. Концерт. Рахманинов. Остров мертвых. Бежал от невыносимой мелодизированной скуки. Через минуту и Бурлюк. Расхохотались друг в друга. Вышли шляться вместе.

ПАМЯТНЕЙШАЯ НОЧЬ

Разговор. От скуки рахманиновской перешли на училищную, от училищной — на всю классическую скуку. У Давида — гнев обогнавшего современников мастера, у меня — пафос социалиста, знающего неизбежность крушения старья. Родился российский футуризм.

СЛЕДУЮЩАЯ

Днем у меня вышло стихотворение. Вернее — куски. Плохие. Нигде не напечатаны. Ночь. Сретенский бульвар. Читаю строки Бурлюку. Прибавляю — это один мой знакомый. Давид остановился. Осмотрел меня. Рявкнул: «Да это же ж вы сами написали! Да вы же ж гениальный поэт!» Применение ко мне такого грандиозного и незаслуженного эпитета обрадовало меня. Я весь ушел в стихи. В этот вечер совершенно неожиданно я стал поэтом.

БУРЛЮЧЬЕ ЧУДАЧЕСТВО

Уже утром Бурлюк, знакомя меня с кем-то, басил: «Не знаете? Мой гениальный друг. Знаменитый поэт Маяковский». Толкаю. Но Бурлюк непреклонен. Еще и рычал на меня, отойдя: «Теперь пишите. А то вы меня ставите в глупейшее положение».

ТАК ЕЖЕДНЕВНО

Пришлось писать. Я и написал первое (первое профессиональное, печатаемое) — «Багровый и белый» и другие.

ПРЕКРАСНЫЙ БУРЛЮК

Всегдашней любовью думаю о Давиде. Прекрасный друг. Мой действительный учитель. Бурлюк сделал меня поэтом. Читал мне французов и немцев. Всовывал книги. Ходил и говорил без конца. Не отпускал ни на шаг. Выдавал ежедневно 50 копеек. Чтоб писать не голодая.

На Рождество завез к себе в Новую Маячку. Привез «Порт» и другое.

«ПОЩЕЧИНА»

Из Маячки вернулись. Если с неотчетливыми взглядами, то с отточенными темпераментами. В Москве Хлебников. Его тихая гениальность тогда была для меня совершенно затемнена бурлящим Давидом. Здесь же вился футуристический иезуит слова — Крученых.

После нескольких ночей лирики родили совместный манифест. Давид собирал, переписывал, дал имя и выпустил «Пощечину общественному вкусу».

ПОШЕВЕЛИВАЮТСЯ

Выставки «Бубновый валет». Диспуты. Разъяренные речи мои и Давида. Газеты стали заполняться футуризмом. Тон был не очень вежливый. Так, например, меня просто называли «сукиным сыном».

ЖЕЛТАЯ КОФТА

Костюмов у меня не было никогда. Были две блузы — гнуснейшего вида. Испытанный способ — украшаться галстуком. Нет денег. Взял у сестры кусок желтой ленты. Обвязался. Фурор. Значит, самое заметное и красивое в человеке — галстук. Очевидно — увеличишь галстук, увеличится и фурор. А так как размеры галстуков ограничены, я пошел на хитрость: сделал галстуковую рубашку и рубашковый галстук.

Впечатление неотразимое.

РАЗУМЕЕТСЯ

Генералитет искусства ощерился. Князь Львов. Директор училища. Предложил прекратить критику и агитацию. Отказались.

Совет «художников» изгнал нас из училища.

ВЕСЕЛЫЙ ГОД

Ездили Россией. Вечера. Лекции. Губернаторство настораживалось. В Николаеве нам предложили не касаться ни начальства, ни Пушкина. Часто обрывались полицией на полуслове доклада. К ватаге присоединился Вася Каменский. Старейший футурист.

Для меня эти годы — формальная работа, овладение словом.

Издатели не брали нас. Капиталистический нос чуял в нас динамитчиков. У меня не покупали ни одной строчки.

Возвращаясь в Москву — чаще всего жил на бульварах.

Это время завершилось трагедией «Владимир Маяковский». Поставлена в Петербурге. Луна-Парк. Просвистели ее до дырок.

НАЧАЛО 14-го ГОДА

Чувствую мастерство. Могу овладеть темой. Вплотную. Ставлю вопрос о теме. О революционной. Думаю над «Облаком в штанах».

ВОЙНА

Принял взволнованно. Сначала только с декоративной, с шумовой стороны. Стихотворение — «Война объявлена». Рисование заказных плакатов.

АВГУСТ

Первое сражение. Вплотную встал военный ужас. Война отвратительна. Тыл еще отвратительней. Чтобы сказать о войне — надо ее видеть. Пошел записываться добровольцем. Не позволили. Нет благонадежности.

И у полковника Модля оказалась одна хорошая идея.

ЗИМА

Отвращение и ненависть к войне. «Ах, закройте, закройте глаза газет» и другие.

Интерес к искусству пропал вовсе.

МАЙ

Выиграл 65 рублей. Уехал в Финляндию. Куоккала.

КУОККАЛА

Семизнакомая система (семипольная). Установил семь обедающих знакомств. В воскресенье «ем» Чуковского, понедельник — Евреинова и т. д. В четверг было хуже — ем репинские травки. Для футуриста ростом в сажень — это не дело.

Вечера шатаюсь пляжем. Пишу «Облако».

Выкрепло сознание близкой революции.

Поехал в Мустамяки. М. Горький. Читал ему части «Облака». Расчувствовавшийся Горький обплакал мне весь жилет. Расстроил стихами. Я чуть загордился. Скоро выяснилось, что Горький рыдает на каждом поэтическом жилете.

Все же жилет храню. Могу кому-нибудь уступить для провинциального музея.

«НОВЫЙ САТИРИКОН»

65 рублей прошли легко и без боли. «В рассуждении чего б покушать» стал писать в «Новом сатириконе».

РАДОСТНЕЙШАЯ ДАТА

Июль 915-го года. Знакомлюсь с Л. Ю. и О. М Бриками.

ПРИЗЫВ

Забрили. Идти на фронт не хочу. Притворился чертежником. Ночью учусь у какого-то инженера чертить авто. С печатанием еще хуже. Солдатам запрещают. Один Брик радует. Покупает все мои стихи по 50 копеек строку. Напечатал «Флейту позвоночника» и «Облако». Облако вышло перистое. Цензура в него дула. Страниц шесть сплошных точек.

С тех пор у меня ненависть к точкам. К запятым тоже.

СОЛДАТЧИНА

Паршивейшее время. Рисую (изворачиваюсь) начальниковы портреты. В голове разворачивается «Война и мир», в сердце — «Человек».

16-й ГОД

Окончена «Война и мир». Немного позднее — «Человек». Куски печатаю в «Летописи». На военщину нагло не показываюсь.

26 ФЕВРАЛЯ, 17-й ГОД

Пошел с автомобилями к Думе. Влез в кабинет Родзянки. Осмотрел Милюкова. Молчит. Но мне почему-то кажется, что он заикается. Через час надоели. Ушел. Принял на несколько дней команду Автошколой. Гучковеет. Старое офицерье по-старому расхаживает в Думе. Для меня ясно — за этим неизбежно сейчас же социалисты. Большевики. Пишу в первые же дни революции Поэтохронику «Революция». Читаю лекции — «Большевики искусства».

АВГУСТ

Россия понемногу откеренщивается. Потеряли уважение. Ухожу из «Новой жизни». Задумываю «Мистерию-буфф».

ОКТЯБРЬ

Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня (и для других москвичей-футуристов) не было. Моя революция. Пошел в Смольный. Работал. Все, что приходилось. Начинают заседать.

ЯНВАРЬ

Заехал в Москву. Выступаю. Ночью «Кафе поэтов» в Настасьинском. Революционная бабушка теперешних кафе-поэтных салончиков. Пишу киносценарии. Играю сам. Рисую для кино плакаты. Июнь. Опять Петербург.

18-й ГОД

РСФСР — не до искусства. А мне именно до него. Заходил в Пролеткульт к Кшесинской.

Отчего не в партии? Коммунисты работали на фронтах. В искусстве и просвещении — соглашатели. Меня послали б ловить рыбу в Астрахань.

25 ОКТЯБРЯ, 18-й ГОД

Окончил мистерию. Читал. Говорят много. Поставил Мейерхольд с К. Малевичем. Ревели вокруг страшно Особенно коммунистичествующая интеллигенция. Андреева чего-чего не делала. Чтоб мешать. Три раза поставили — потом расколотили. И пошли «Макбеты».

19-й ГОД

Езжу с мистерией и другими вещами моими и товарищей по заводам. Радостный прием. В Выборгском районе организуется комфут, издаем «Искусство коммуны». Академии трещат. Весной переезжаю в Москву.

Голову охватила «150 000 000». Пошел в агитацию Роста.

20-й ГОД

Кончил «Сто пятьдесят миллионов». Печатаю без фамилии. Хочу, чтоб каждый дописывал и лучшил. Этого не делали, зато фамилию знали все. Все равно. Печатаю здесь под фамилией.

Дни и ночи Роста. Наступают всяческие Деникины. Пишу и рисую. Сделал тысячи три плакатов и тысяч шесть подписей.

21-й ГОД

Пробиваясь сквозь все волокиты, ненависти, канцелярщины и тупости — ставлю второй вариант мистерии. Идет в I РСФСР — в режиссуре Мейерхольда с художниками Лавинским, Храковским, Киселевым и в цирке на немецком языке для III конгресса Коминтерна. Ставит Грановский с Альтманом и Равделем. Прошло около ста раз.

Стал писать в «Известиях».

22-й ГОД

Организую издательство МАФ. Собираю футуристов — коммуны. Приехали с Дальнего Востока Асеев, Третьяков и другие товарищи по дракам. Начал записывать разработанный третий год «Пятый интернационал». Утопия. Будет показано искусство через 500 лет.

23-й ГОД

Организуем «Леф». «Леф» — это охват большой социальной темы всеми орудиями футуризма. Этим определением, конечно, вопрос не исчерпывается, — интересующихся отсылаю к №№. Сплотились тесно: Брик, Асеев, Кушнер, Арватов, Третьяков, Родченко, Лавинский.

Написал: «Про это». По личным мотивам об общем быте. Начал обдумывать поэму «Ленин». Один из лозунгов, одно из больших завоеваний «Лефа» — деэстетизация производственных искусств, конструктивизм. Поэтическое приложение агитка и агитка хозяйственная — реклама. Несмотря на поэтическое улюлюканье, считаю «Нигде кроме как в Моссельпроме» поэзией самой высокой квалификации.

24-й ГОД

«Памятник рабочим Курска». Многочисленные лекции по СССР о «Лефе». «Юбилейное» — Пушкину. И стихи этого типа — цикл. Путешествия: Тифлис, Ялта — Севастополь. «Тамара и Демон» и т. д. Закончил поэму «Ленин». Читал во многих рабочих собраниях. Я очень боялся этой поэмы, так как легко было снизиться до простого политического пересказа. Отношение рабочей аудитории обрадовало и утвердило в уверенности нужности поэмы. Много езжу за границу. Европейская техника, индустриализм, всякая попытка соединить их с еще непролазной бывшей Россией — всегдашняя идея футуриста-лефовца.

Несмотря на неутешительные тиражные данные о журнале, «Леф» ширится в работе.

Мы знаем эти «данные» — просто частая канцелярская незаинтересованность в отдельных журналах большого и хладнокровного механизма Гиза.

25-й ГОД

Написал агитпоэму «Летающий пролетарий» и сборник агитстихов «Сам пройдись по небесам».

Еду вокруг земли. Начало этой поездки — последняя поэма (из отдельных стихов) на тему «Париж». Хочу и перейду со стиха на прозу. В этот год должен закончить первый роман.

«Вокруг» не вышло. Во-первых, обокрали в Париже, во-вторых, после полугода езды пулей бросился в СССР. Даже в Сан-Франциско (звали с лекцией) не поехал. Изъездил Мексику, С.-А. С. Ш. и куски Франции и Испании. Результат — книги: публицистика-проза — «Мое открытие Америки» и стихи — «Испания», «Атлантический океан», «Гаванна», «Мексика», «Америка».

Роман дописал в уме, а на бумагу не перевел, потому что: пока дописывалось, проникался ненавистью к выдуманному и стал от себя требовать, чтобы на фамилии, чтоб на факте. Впрочем, это и на 26-й — 27-й годы.

1926-й ГОД

В работе сознательно перевожу себя на газетчика. Фельетон, лозунг. Поэты улюлюкают — однако сами газетничать не могут, а больше печатаются в безответственных приложениях. А мне на их лирический вздор смешно смотреть, настолько этим заниматься легко и никому кроме супруги не интересно.

Пишу в «Известиях», «Труде», «Рабочей Москве», «Заре Востока», «Бакинском рабочем» и других.

Вторая работа — продолжаю прерванную традицию трубадуров и менестрелей. Езжу по городам и читаю. Новочеркасск, Винница, Харьков, Париж, Ростов, Тифлис, Берлин, Казань, Свердловск, Тула, Прага, Ленинград, Москва, Воронеж, Ялта, Евпатория, Вятка, Уфа и т. д., и т. д., и т. д.

1927-й ГОД

Восстанавливаю (была проба «сократить») «Леф», уже «Новый». Основная позиция: против выдумки, эстетизации и психоложества искусством — за агит, за квалифицированную публицистику и хронику. Основная работа в «Комсомольской правде», и сверхурочно работаю «Хорошо».

«Хорошо» считаю программной вещью, вроде «Облака в штанах» для того времени. Ограничение отвлеченных поэтических приемов (гиперболы, виньеточного самоценного образа) и изобретение приемов для обработки хроникального и агитационного материала.

Иронический пафос в описании мелочей, но могущих быть и верным шагом в будущее («сыры не засижены — лампы сияют, цены снижены»), введение, для перебивки планов, фактов различного исторического калибра, законных только в порядке личных ассоциаций («Разговор с Блоком», «Мне рассказывал тихий еврей, Павел Ильич Лавут»).

Буду разрабатывать намеченное.

Еще: написаны — сценарии и детские книги.

Еще продолжал менестрелить. Собрал около 20 000 записок, думаю о книге «Универсальный ответ» (записочникам). Я знаю, о чем думает читающая масса.

1928-й ГОД

Пишу поэму «Плохо». Пьесу и мою литературную биографию. Многие говорили: «Ваша автобиография не очень серьезна» Правильно. Я еще не заакадемичился и не привык нянчиться со своей персоной, да и дело мое меня интересует, только если это весело. Подъем и опадание многих литератур, символисты, реалисты и т. д., наша борьба с ними — все это, шедшее на моих глазах: это часть нашей весьма серьезной истории. Это требует, чтобы об нем написать. И напишу.

ПРИМЕЧАНИЯ

Краткий автобиографический очерк «Я сам» был написан в 1922 году и опубликован без названия в журн. «Новая русская книга» (Берлин, изд-во И. П. Ладыжникова, 1922, сентябрь, № 9) в разделе «Писатели о себе».

В том же году очерк был напечатан в газ. «Дальневосточный телеграф» (Чита, 1922, 7 ноября), в сокращенном варианте, по корректурному оттиску готовящегося к печати двухтомника «Владимир Маяковский. 13 лет работы» (М., изд-во «Вхутемас», 1922, том 1).

В 1923 году очерк «Я сам» вошел в сборник «255 страниц Маяковского» (М.-П., Госиздат, 1923, кн. 1).

Поэт придавал очерку «Я сам» большое значение, им он открывал «13 лет работы» и «255 страниц Маяковского», им открывал и первый том своего Собрания сочинений, доведя изложение фактов и событий до 1928 года.

Необходимо учитывать, что «Я сам» — не автобиография в обычном понимании этого слова. Это — произведение художественно-публицистического жанра, насыщенное в ряде случаев острой полемикой.

В главе «1928-й год» В. В. Маяковский делился с читателями своими литературными планами и высказывал свое отношение к «автобиографии»: «Пишу поэму «Плохо». Пьесу и мою литературную биографию. Многие говорили: «Ваша автобиография не очень серьезна». Правильно. Я еще не заакадемичился и не привык нянчиться со своей персоной, да и дело мое меня интересует, только если это весело. Подъем и опадание многих литератур, символисты, реалисты и т. д., наша борьба с ними — все это, шедшее на моих глазах: это часть нашей весьма серьезной истории. Это требует, чтобы об нем написать. И напишу».

Отказавшись следовать при создании «Я сам» бесстрастной объективности историка академического толка, описательской и скрупулезной точности в мелочах, поэт «свободно» плавает «по своей хронологии», излагает факты и события из своей жизни в характерном для него полушутливом тоне. Облик автора, которого интересует написание собственной автобиографии лишь в том случае, «если это весело», предстает перед читателем в полном ощущении душевной силы, во всей мощи его личности.

Вместе с тем Маяковский предельно точен в изложении исторических фактов, серьезен, когда пишет о значительных общественных событиях своего времени.

Для ясного понимания «Я сам» следует учитывать историческую обстановку 20-х годов, когда создавалось это произведение, сложные перипетии политической и литературно-групповой борьбы.

В Государственном музее В. В. Маяковского (ГММ) хранятся отдельные страницы «Я сам» из вышедшего сборника «255 страниц Маяковского» с авторской правкой («боковая редакция»), которой, по-видимому, Маяковский не счел нужным воспользоваться в Собрании сочинений, поэтому эта правка в настоящем издании не учитывается.

ТЕМА. — Предпосланная всему очерку глава «Тема» раскрывает точку зрения Маяковского на всю его литературную деятельность: «Я — поэт. Этим и интересен». Следовательно, Маяковский прежде всего настраивает читателя на основное дело своей жизни — поэтическую деятельность. Любая тема — важна для поэта, она имеет право на жизнь, если «отстоялась словом» о времени и о себе: «Люблю ли я, или я азартный, о красотах кавказской природы также — только если это отстоялось словом».

Заслуживают внимания воспоминания (1938 г.) В. Н. Боцановского о литературной и общественной работе В В. Маяковского в 1917–1918 гг. (ГММ). Он утверждает, что первую автобиографию поэт написал в 1918 году, по его просьбе. По словам В. Н. Боцановского, еще в конце 30-х годов он предпринял не увенчавшуюся успехом попытку разыскать эту автобиографию Маяковского в архивах, но документ до сих пор не найден.

По свидетельству В. Н. Боцановского, в первой автобиографии поэта не содержалось фактов, которые не были бы отражены в «Я сам».

ПАМЯТЬ. — В воспоминаниях людей, близко знавших В. Маяковского, всегда отмечается необыкновенная память поэта. «У Володи была замечательная память, и раньше, чем он научился читать, он уже знал много стихов Пушкина, Лермонтова, Некрасова и др.» (О. В. Маяковская. — ГММ).

Поэт Василий Каменский, вспоминая юношеские годы В. Маяковского, писал о нем: «Он много читал и, обладая феноменальной памятью, мог цитировать наизусть громадные куски прочитанного». По мнению В. Каменского, прекрасная память Маяковского не знала «себе равных». «В любой момент и где угодно (в трамвае, на улице, за обедом, в гостях, дома, в муфах, на лестнице) он читал стихи разных поэтов» («Юность Маяковского», Тифлис, изд. «Заккнига», 1931. стр. 29–30).

ГЛАВНОЕ. *Родился 7 июля 1894 года (или 93 — мнения мамы и послужного списка отца расходятся…).* — В докладной в адрес Управления государственными имуществами Кутаисской губернии, датированной 2 декабря 1894 года, отец поэта писал: «Честь имею покорнейше просить распоряжения Управления о внесении в мой формулярный список… сына Владимира, родившегося 7 июля 1893 г.» (Центр, госархив г. Кутаиси.). Однако в послужном, или «Формулярном списке о службе лесничего Багдадского II-го разряда лесничества Кутаисской губернии Владимира Константнновича Маяковского» (отца поэта), составленном 4 апреля 1896 года Управлением государственными имуществами Кутаисской губернии, ошибочно указана дата рождения сына — 7 июля 1894 года. Очевидно, ошибка в дате рождения поэта в послужном списке была обнаружена при получении копии с документа, которая была необходима для определения Маяковского в гимназию. В 1902 году отец В. Маяковского обратился в Грузинско-Имеретинскую синодальную контору с просьбой выдать ему свидетельство о рождении сына. В полученном свидетельстве за № 3204 от 14 марта 1902 года было указано, что в метрической книге Саконадзевской георгиевской церкви за 1893 год записано: «родился седьмого… июля Владимир: родители его: дворянин Владимир Константинович Маяковский и законная жена его Александра Алексеевна…, восприемниками были: надворный советник Николай Ильич Савельев и девица Анна Константиновна Маяковская» (ГММ).

Будущий поэт родился в день рождения своего отца, Владимира Константиновича, и мальчика назвали Владимиром в его честь. В. К. Маяковскому в тот день исполнилось тридцать шесть лет.

В поэме «Человек» (1916–1917) в главе «Рождение Маяковского» поэт иронически говорит о дне своего рождения:

> В небе моего Вифлеема
> никаких не горело знаков…

Село Багдады (Багдади) — один из живописных уголков Грузии; здесь родился В. Маяковский и здесь прошло раннее детство поэта. Но и после того, как он с матерью переехал в Кутаис (1900), он неизменно проводил каникулы в Багдади (до 1906 года).

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 апреля 1940 года Багдади переименовано в Маяковски, Маяковского района Грузинской ССР.

В доме (дом Кучухидзе), где родился В. Маяковский, — 19 июля 1941 года, в день его рождения, был открыт литературно-мемориальный музей В. В. Маяковского.

СОСТАВ СЕМЬИ. *Отец* — Владимир Константинович Маяковский, родился 7/19 июля 1857 года, в городе Ахалцихе, в семье делопроизводителя городского управления Константина Константиновича Маяковского. Его предки — казаки Запорожской Сечи из города Берислава, бывшей Херсонской губернии.

По словам Л. В. Маяковской: «Отец гордился своими свободолюбивыми и воинственными предками. Он часто говорил: «Есть еще порох в пороховницах, не иссякла молодецкая сила» (Л. Маяковская. «Пережитое. Из воспоминаний о Владимире Маяковском». Тбилиси, изд. «Заря Востока», 1957).

Старший брат отца, Михаил Константинович, окончивший Лесной институт в Петербурге, занимался с Владимиром Константиновичем и подготовил его к должности помощника Александро-польского лесничества (бывшей Эриванской губернии). В апреле 1889 года В. К. Маяковского назначили багдадским лесничим третьего разряда, здесь он и работал до конца жизни (1906).

Мама — Александра Алексеевна, родилась 8/20 апреля 1867 года на Кубани, в станице Терновской, бывшей Ставропольской губернии, в семье Алексея Ивановича Павленко, капитана Кубинского 155-го пехотного полка.

На семнадцатом году, в мае 1883 года, А. А. Павленко вышла замуж за Владимира Константиновича Маяковского, и то время помощника лесничего, и полностью посвятила себя заботам о семье и воспитанию детей. Мать поэта обладала врожденными качествами педагога-воспитателя. Ею написана книга «Детство и юность Владимира Маяковского» (М.-Л., Детгиз, 1953). Она скончалась 30 марта 1954 года на восемьдесят седьмом году жизни.

Сестры — Людмила Владимировна Маяковская (1884–1972), художник, заслуженный работник культуры РСФСР, автор книг: «Пережитое. Из воспоминаний о Владимире Маяковском» (Тбилиси, изд. «Заря Востока», 1957); «О Владимире Маяковском. Из воспоминаний сестры» (М., изд. «Детская литература» 1968) и ряда статей и публикаций.

Начиная с 1930 года Людмила Владимировна Маяковская активно выступает с пропагандой творчества Маяковского. Она была членом Государственной комиссии по изданию Полного собрания сочинений В. В. Маяковского и одним из его редакторов; консультантом при создании фильма «Маяковский

начинался так» («Грузфильм», 1956). Л. В. Маяковская принимала активное участие в создании Государственного музея В. В. Маяковского (Москва, проезд Серова, д. 3/6).

Ольга Владимировна Маяковская (1890–1949). Л. В. Маяковская вспоминает: «В детстве Оля и Володя были неразлучны. Близкие по возрасту, темпераменту и остроумию, Оля и Володя заполняли дни занятиями, играми. Им никогда не было скучно…

В 1904–1905 учебном году Оля и Володя захвачены революционными событиями: участвуют в гимназических сходках, демонстрациях, слушают доклады, посещают гимназические социал-демократические кружки, читают революционную литературу…» («Пережитое», стр. 12–13).

После переезда семьи в Москву, в 1906 году, Оля поступила в гимназию Ежовой. В 1907–1908 годах она успешно занимается рисованием на вечерних курсах Строгановского училища. По окончании гимназии в 1909 году она поступает на работу на Главный почтамт, так как средств для получения высшего образования не было.

В 1920–1922 годах О. В. Маяковская вместе с Л. В. Маяковской принимали активное участие в работе над «Окнами РОСТА».

В 1923 году Володя пригласил младшую сестру работать секретарем в журнал «Леф». После прекращения издания журнала в 1925 году О. В. Маяковская переходит на работу в один из трестов, а с 1931 года, с возникновением Союза советских архитекторов, и до 1940 года работает в союзе оргсекретарем.

Тетя Анюта — Анна Константиновна Маяковская (1855–1924). Л. В. Маяковская вспоминает: «Анна Константиновна — средняя сестра отца… Сорок лет проработала она в хирургическом и тифозном отделениях Кутаисского госпиталя, проявляя исключительную самоотверженность. В 1922 году тетя Анюта переехала в Москву и жила с нами как член нашей семьи…

Анна Константиновна очень любила Володю, ухаживала за ним, когда он болел брюшным тифом и другими болезнями. Она очень верила в его большое будущее» («Пережитое», стр. 14).

1-е ВОСПОМИНАНИЕ. …*журнал «Родина»*. — В своей книге старшая сестра В. Маяковского пишет: «Отец был веселым человеком — любил сатиру, смех, шутки — и решил на пробу выписать этот журнал… Но журнал, как оказалось, был реакционного направления, и мы больше его не выписывали» («Пережитое», стр. 14).

«Алон занфан де ля по четыре». — «Отец любил петь по-

французски «Марсельезу»…: «Allons, enfants de la patrie!».

Дети с удивлением смотрели на отца, не понимая, что он поет. Тогда он начинал петь «Алон занфан де ля по четыре» и спрашивал: «Ну, а теперь понятно?» («Пережитое», стр. 15).

2-е ВОСПОМИНАНИЕ. — Глава относится к 1899 году.

Б. П. Глушковский (1881–1916). — Л. В. Маяковская в книге «О Владимире Маяковском. Из воспоминаний сестры» (М., изд. «Детская литература», 1968) вспоминает. «Володе исполнилось шесть лет… Этим летом в Багдади собралось много молодежи. Был и Борис Полиевктович Глушковский, из семьи старых знакомых папы, сын будущей учительницы Володи. Он учился и Петербургском университете, а также в художественной школе «поощрения искусств».

Мы тогда очень увлекались стихами, особенно Пушкиным и ею «Евгением Онегиным». Читали, учили наизусть, рисовали иллюстрации к роману. Б. Глушковский срисовал из какого-то журнала Онегина, сидящего у зеркала, и придал ему сходство с собой…

Володя не сводил глаз с рисунка, пока тот не был закончен. Все предпосылки были таковы, что Володя мог считать Глушковского «Евгенионегиным». Такого мнения он оставался до тех пор, пока сам Не прочитал Пушкина» (стр. 51–52).

Кожаная тетрадища — После публикации «Я сам» Л. В. Маяковская нашла в своем архиве альбом, помеченный 1899 годом, в котором был «автопортрет Б. П. Глушковского». Маяковский в «автобиографии» через двадцать с лишним лет очень точно описал этот альбом.

3-е ВОСПОМИНАНИЕ. — Глава относится к 1899 году.

«В семье любили пение, музыку, танцы. Но этого не было в Багдади, отцу хотелось, чтобы кто-нибудь из нас, сестра или я, научились играть… Нужно было приобрести инструмент. Пошел «за стеной бесконечный шепот папы и мамы», — как писал Володя. Единственная возможность осуществления этого желания — испытанный в нашей семье способ: «рассрочка платежа». Так выписывались журналы и книги, так заказывал отец одежду в Тбилиси и пр.

Очевидно, Володя получил практическое объяснение того, что богатые свободно покупают, что им вздумается, и рассрочка платежа для тех, у кого средства ограничены» («Пережитое», стр. 16).

ДУРНЫЕ ПРИВЫЧКИ. *Лето. Потрясающее количество гостей.*

— «Гости из Кутаиса приезжали на несколько дней. Отдыхали в селе, гуляли, катались на лошадях, ловили рыбу. Некоторым папа устраивал охоту в лесничестве, хотя сам не охотился. Это были веселые и торжественные праздники в нашем доме. И этим «дурным привычкам» наша семья всегда оставалась верна.

На фоне однообразной, лишенной культурных развлечений жизни в Багдади праздники и семейные торжества ярко выделялись.

Отцу, по натуре человеку веселому, щедрому и общительному, были близки обычаи грузинского гостеприимства и русского хлебосольства, которые вошли в наш семейный быт… Володя любил праздники. К его дню рождения… шили костюм, дарили подарки. Он заучивал наизусть новые стихи, так как приходилось «выступать» перед многочисленными гостями» («О Владимире Маяковском», стр. 53).

«Как-то раз перед толпою // Соплеменных гор…» — Речь идет о стихотворении М. Ю. Лермонтова «Спор».

КОРНИ РОМАНТИЗМА. *Первый дом…* — С 1889 года до весны 1898 года семья Маяковских жила в доме Кучухидзе, где и родился будущий поэт. Осенью 1899 года Маяковские переехали в дом Ананова, находившийся в старинной грузинской крепости, Очевидно, воспоминания поэта связаны с этим домом.

С балкона дома были видны снеговые горы, понижающиеся к северу, и Володя представлял за ними Россию, куда его «тянуло невероятнейше».

«Мы очень любили Грузию, ее народ, но наша семья крепко хранила язык, традиции и обычаи своих предков.

…мы понимали, что сердце всех народов России — Москва, и своими стремлениями были обращены к ней» («О Владимире Маяковском», стр. 59).

НЕОБЫЧАЙНОЕ. — Глава относится ко времени, проведенном поэтом в Багдадском лесничестве. «Володя с детства привык к лошадям и полюбил их.

Отец считал, что мальчик должен закаляться и привыкать ко всему в жизни, поэтому брал с собою в лес семилетнего сына. Володя был горд, чувствовал себя взрослым… В это время отец купил небольшого роста кавказскую смирную лошадь, которую звали «Мальчик». На ней ездил Володя» («Пережитое», стр. 20).

Завод князя Накишидзе. — «Завод Накашидзе, о котором упоминает Володя, находился в селе Хани, и там электричества в то время не было. Очевидно, у него перепутались названия заводов» («Пережитое», стр. 20).

УЧЕНИЕ. *Учила мима и всякоюродные сестры.* — Александра Алексеевна Маяковская в своей книге «Детство и юность Владимира Маяковского» писала. «Володя с четырех лет полюбил книги. Он часто просил меня читать ему. Если я была занята и не могла читать, он расстраивался, плакал. Тогда я бросала все дела и читала ему — сначала сказки, а затем басни Крылова, стихотворения Пушкина, Некрасова, Лермонтова и других поэтов. Читала я ему ежедневно.

Сказки его занимали недолго — он просил прочесть что-нибудь «правдушное». Особенно любил Володя стихи. Те, что ему нравились, он просил прочесть два-три раза, запоминал с моих слов и хорошо, выразительно читал наизусть» (стр. 7–8).

Старшая сестра поэта, учившаяся в то время в Тифлисском пансионе, также знакомила Володю с русской и зарубежной литературой. Любимым писателем семьи Маяковских был Н. В. Гоголь. Впоследствии В. Маяковский часто использовал гоголевские образы в своих произведениях («Два Чехова», «Рабочим Курска…», «Долг Украине», «Массам непонятно», «Слегка нахальные стихи товарищам из Эмкахи» и др.).

Кроме матери, старшей сестры Л. В. Маяковской, отца, Володю Маяковского учили грамоте и его родные, как это часто бывает в семьях. Летом в семье Маяковских обычно гостили двоюродные сестры и брат — дети Марии Константиновны Маяковской (в замужестве Киселевой). «Все уделяли Володе время и внимание — читали с ним, занимались, и он незаметно к шести годам выучился читать… Родители очень серьезно относились к воспитанию и образованию детей, можно сказать — это было целью их жизни» («Пережитое», стр. 21).

Но подготовка В. Маяковского в гимназию не ограничилась только домашним обучением.

ПЕРВАЯ КНИГА. *«Птичница Агафья»* — сентиментальная повесть Клавдии Лукашевич для детей младшего возраста. «Как сейчас вижу Володю перед моим книжным шкафом — выбирает себе книжку для первого самостоятельного чтения. Выбирал по внешнему виду крупная печать и рисунки» («О Владимире Маяковском», стр. 62).

«Дон-Кихот». — Книга Сервантеса поразила Маяковского прежде всего повествованием о благородном испанском рыцаре, сражающемся с несправедливостью.

Образ Дон-Кихота через шестнадцать лет нашел свое отражение в стихотворении «Ко всему» (1916).

ЭКЗАМЕН. — 1 октября 1900 года А. А Маяковская вместе с сыном переехала в Кутаис с тем, чтобы в течение осени и зимы Володя смог готовиться для поступления в гимназию. В это время В. Маяковскому исполнилось семь лет, и его родители решили подыскать в губернском городе, каким в то время был Кутаис, учительницу для подготовки в классическую гимназию.

Вступительные экзамены в единственную на всю Кутаисскую губернию мужскую классическую гимназию требовали особо глубокой подготовки, что не могло не волновать отца будущего поэта. «Отец серьезно обдумывал кандидатуру учительницы для Володи» («О Владимире Маяковском», стр. 69).

Сын первой учительницы Владимира Маяковского Ю. Ф. Глушковской, В. П. Глушковский, в своих воспоминаниях рассказывает: «Володя с детских лет проявлял недюжую память… Моя мать, когда они жили с нами… говорила, что Володя был очень способный ученик, какого она никогда не имела…» (ГММ).

В 1901/1902 году Володю Маяковского готовила Нина Прокофьевна Смольнякова (Махарадзе), скромная, молодая учительница.

Уроки Смольняковой, пламенной сторонницы и участницы революционного движения в Кутаиси, имели особое значение в формировании личности будущего поэта. Смольнякова была хорошо знакома с социалистической и в особенности с марксистской литературой, активно помогала революционерам в их конспиративной работе (см. Г. Махарадзе. Филипп Махарадзе — В сб.: «Грузии сыны», М., «Молодая гвардия», 1961, стр. 496).

Нина Прокофьевна Смольнякова рассказывала, что «Володя проявлял большой интерес ко всем предметам…

По окончании каждого урока он просил меня что-нибудь почитать или рассказать. Я ему читала стихотворения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, «Записки охотника» Тургенева, сказки Л. Толстого, рассказы Чехова. Я специально подбирала ему такие произведения, в которых описывалась свобода, описывалось тяжелое положение народа, заметив, что именно такие произведения его особенно интересовали» («Маяковский в воспоминаниях родных и друзей», изд. «Московский рабочий», 1968, стр. 52–53).

Экзамен в гимназию. — Приемные экзамены в Кутаисскую мужскую классическую гимназию были назначены на 29 и 30 мая.

Перед сдачей экзаменов по просьбе отца знания Володи Маяковского проверил Платон Георгиевич Цулукидзе, опытный педагог, впоследствии заслуженный учитель школы Грузинской ССР, Цулукидзе вспоминает:

«Я сказал отцу:

— Мальчик вполне готов! Он знает больше того, что нужно для поступления.

Это заключение я вывел из того, что задавал примеры и вопросы гораздо труднее, чем могли быть на будущем экзамене» («Маяковский в воспоминаниях родных и друзей», стр. 56).

Во время приемных экзаменов в гимназию В. Маяковский получил следующие отметки: русский язык — 5, закон божий — 4, арифметика — 4+.

ГИМНАЗИЯ. — Владимир Маяковский был зачислен в старший приготовительный класс Кутаисской классической гимназии (1902/1903). В этой гимназии в свое время учились его отец и дядя Михаил Константинович Маяковский.

Читаю Жюля Верна. — Перейдя из приготовительного в первый класс, В. Маяковский увлекся Жюлем Верном, Фенимором Купером, Майн Ридом, читал журналы «Вокруг света», «Юный читатель».

Какой-то бородач стал во мне обнаруживать способности художника. — Готовясь к поступлению в Строгановское училище, Л. В. Маяковская брала уроки у единственного в Кутаиси художника, закончившего Академию художеств, Сергея Пантелеймоновича Краснухи. Л. В. Маяковская показала С. П. Краснухе рисунки своего брата. Он нашел их интересными и предложил заниматься с Володей Маяковским бесплатно. Л. В. Маяковская вспоминает: «Володя нагонял меня в рисунке. Было неловко, но и радостно иметь талантливого брата. Мы стали думать, что Володя будет художником, но в то же время находили для него необходимым среднее образование» («О Владимире Маяковском», стр. 80).

В переписке членов семьи Маяковских имя С. П. Краснухи, всю жизнь стремившегося к просвещению народа посредством искусства, всегда вспоминалось с большим уважением и теплотой.

ЯПОНСКАЯ ВОЙНА. — Первые сообщения о начавшейся в январе 1904 года войне и вслед за этим сводки из Порт-Артура были опубликованы в «Кутаисских губернских ведомостях» 31 января и в первых числах февраля. «Пошли мобилизации, потом появились больные, эвакуированные на родину с далекого фронта. Город маленький, слухи облетали быстро, росли, громоздились» («О Владимире Маяковском», стр. 79).

Война с самого начала была непопулярна в России.

В статье «Падение Порт-Артура», опубликованной в газете «Вперед» № 2, 14(1) января 1905 года, В. И. Ленин писал: «Дело

русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия…

Не русский народ, а русское самодержавие начало эту колониальную войну, превратившуюся в войну старого и нового буржуазного мира. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма.

Да. Самодержавие ослаблено. В революцию начинают верить самые неверующие. Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 157–159).

Революционное движение в стране ширилось под влиянием неудач монархической России в войне с Японией.

В это время, по словам Л. В. Маяковской, значительно повысился интерес семьи Маяковских «к политическим событиям, к общественной жизни» («О Владимире Маяковском», стр. 80).

По свидетельству Х. Н. Ставракова, в 1904–1905 гг. он встречал Владимира Маяковского на занятиях марксистского кружка, которым руководил Григорий Николаевич Корганов (1886–1918), участник борьбы за Советскую власть на Кавказе, большевик, впоследствии один из 26 бакинских комиссаров. «На… занятиях мы читали и обсуждали популярную марксистскую литературу. Разумеется, говорили о текущих политических событиях» («Маяковский в воспоминаниях родных и друзей», стр. 75).

Увеличилось количество газет и журналов дома. — Мать поэта рассказывает: «Володя с увлечением систематически читал газеты и журналы, которые мы выписывали. В это время ему было одиннадцать лет. Знакомый инженер с завода тоже оставлял нам на день много своих газет и журналов» («Детство и юность Владимира Маяковского», стр. 43).

Читаю все. Безотчетно взвинчен. — Л. В. Маяковская сообщает: «У нас создался небольшой кружок самообразования, в котором, кроме нашей семьи, постоянно участвовали… Серафим Михайлович и Инна Павловна Суворовы…

Мы сообща выписывали литературу, которой обменивались. Помимо газет, мы читали журналы «Мир божий», «Русское богатство», «Образование», «Вестник Европы». Читали вслух Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Успенского, Чехова, Толстого, Гаршина, Лескова. Особенно интересовались и увлекались Горьким…

Володя был активнейшим участником этого кружка. Он сам много читал. Ему в то время нравились стихи Скитальца…» («О

Владимире Маяковском», стр. 80).

В мае 1903 года был создан Кутаисский комитет и комитет сельских рабочих Имеретии и Гурии, который вскоре (июль 1903) стал называться (в связи с вводом представителей мингрельских организаций) Имеретино-Мингрельским комитетом Кавказского союза РСДРП. Комитет руководил революционными выступлениями молодежи.

В 1904 году 11-летний Владимир Маяковский принимает активное участие в ученических сходках, нелегальных собраниях и демонстрациях. В своих воспоминаниях Х. Н. Ставраков пишет: «2 февраля 1904 года, в 9 часов утра, в Кутаиси, возле Красной речки, у так называемой Язоновой пещеры, состоялась сходка, в которой принимали участие гимназисты и реалисты. Нагрянула полиция и разогнала собравшихся. В этой сходке я был со своими братьями, помнится мне, что там был и Володя» («Маяковский в воспоминаниях родных и друзей», стр. 75).

Восхищают открытки крейсеров. Увеличиваю и перерисовываю. — Рисование было для Владимира Маяковского не только школьным любимым предметом, но постоянным занятием в течение всей жизни. Одноклассник Маяковского Георгий Гачечиладзе рассказывает: «Володя… покорял нас своими рисунками. Его работы всегда красовались в классе — портреты писателей и иллюстрации к отдельным эпизодам литературных произведений.

И не всегда это были копии с книжных иллюстраций. Теперь я понимаю, что некоторые эпизоды особенно волновали Володю и он находил для них свое непривычное и непосредственное толкование… запомнились его рисунки к толстовскому «Кавказскому пленнику» — произведению, всегда увлекающему детские сердца… Володя снабдил эти рисунки… очень удачным портретом Л. Толстого» («О Маяковском. Дни и встречи». Тбилиси, изд. «Литература и искусство», 1963, стр. 28–29).

Появилось слово «прокламация». — По воспоминаниям школьного товарища В. Маяковского Аполлона Месхи, уже в начале 1904 года «в душную атмосферу гимназии, как свежий ветер, ворвалась прокламация…«Учащиеся!.. вы грозно раскинулись по главным улицам города и криками «Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!» приводили в неописуемый ужас ваших педагогов… Вы смело примкнули к социал-демократии… настал момент, когда всеобщая скрытая злоба и ненависть, вырываясь из истомленных грудей сынов народа, превращается в грозный клич: Долой самодержавие! Долой героев кнута и насилия! Долой хищника-кровопийцу и его опричников! Да здравствует демократическая

республика!..» («Пережитое», стр. 33).

По свидетельству Гачечиладзе, Кутаисская классическая гимназия «славилась во всем Кавказском учебном округе как самая вольнодумная, и она действительно оправдывала эту свою славу» (сб. «О Маяковском. Дни и встречи», стр. 31).

«В *России* революционная ситуация сложилась к 1901–02 гг. совершенно определенно. В 1904–05 гг. мы имели уже непосредственно-революционную ситуацию, перешедшую к концу 1905 г. в прямую революцию (однако не победившую)», — говорится в решении XIV партийной конференции (1925 г.) («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 3. М., Политиздат, 1970, стр. 208).

«Революционные события 1904–1905 годов в Кутаиси, безусловно, оказали большое влияние на Володю Маяковского. По существу, они подготовили его для последующей революционной работы в московском большевистском подполье и, конечно, оказали влияние на формирование его как поэта. Этому способствовала и обстановка в семье Маяковских. Отец, мать и сестры Володи были демократически настроены, жили в дружбе с простым народом, понимали его нужды и интересы» (Х. Н. Ставраков «Маяковский в воспоминаниях родных и друзей», стр. 76).

НЕЛЕГАЛЬЩИНА. *Приехала сестра из Москвы.* — Осенью 1904 года Л. В Маяковская, выдержав конкурсный экзамен, поступила в Московское Строгановское художественно-промышленное училище. В июне 1905 года она приехала в Багдади. В книге «О Владимире Маяковском» она вспоминает: «Я занималась в марксистских кружках. Через товарищей-революционеров получала нелегальную литературу…

Революционная борьба масс оказала влияние… на Володю и Олю Кавказ переживал революцию особенно остро… Учащаяся молодежь организовывалась в политические кружки» («О Владимире Маяковском», стр. 84).

Расстрел царским правительством мирной демонстрации рабочих в Петербурге 9 января 1905 года всколыхнул всю Россию. Негодование и протест охватили все слои населения.

События 9 января 1905 года В. И. Ленин характеризовал как начало революции, как поворотный пункт в истории России, как переход к открытой гражданской войне, к прямому восстанию против царизма. «Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; — отмечал В. И. Ленин в статье «Начало революции в России», — революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло

бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни» (В. И Ленин. Полн, собр. соч., т. 9, стр. 201–202).

Уже 19 января началась забастовка рабочих в Кутаиси. К ней примкнули мастеровые, служащие, извозчики, приказчики, учащиеся средних учебных заведений.

Большевистская пресса давала подробный отчет о боевом настроении населения Кутаиса. «19 января толпа молодежи человек в сто направилась с бульвара по гимназической улице с революционными песнями и возгласами. Остановленная полицией, она… была рассеяна. В этот день арестовано семь человек. На другой день манифестация повторилась, арестовано сорок человек, в том числе 10 гимназистов; их грозят предать суду…

25-го опять была манифестация с красным знаменем. В театре была распространена масса прокламаций, которые читались с жадностью; полиция была изгнана, после чего начались речи на политические темы; затем толпа с революционными песнями прошла по городу. Всеобщие волнения у нас не прерываются вот уже две недели» (газ. «Вперед», Женева, 1905, 15 февраля).

В нарастающем движении гимназисты выступали организованно и сплоченно.

13 марта 1905 года Кутаиси и вся губерния были объявлены на военном положении. По некоторым сведениям, в это время Володя Маяковский вместе со своими товарищами по гимназии помогал в выполнении заданий Имеретино-Мингрельского комитета: в доставке мешков с песком, кирпичей, досок и пр. для сооружения баррикад: в распространении большевистских прокламаций среди солдат Куринского полка (см. Акакий Иремадзе. «Живая легенда», Тбилиси, изд. «Мерани», 1970, стр. 36–39).

Опомнись, товарищ, опомнись-ка, брат, // скорей брось винтовку на землю. — «Постой-ка, товарищ! Опомнись-ка, брат!» — первая строка агитационной песни, широко распространенной в революционных кругах в период первой русской революции (опубликована в 1935 году в сб. «Пролетарские поэты»). По силе воздействия эта песня не уступала прокламации.

…а не то путь иной… — Нелегальное распространение этой сатирической песни лубочного характера «Как у нас в городке…» началось в январе 1905 года с анонимной печатной листовки, которая была выпущена по поводу речи царя. «Уже первая речь царя, сказанная земцам на первом, после вступления его на престол, приеме, когда у него вырвались слова о «бессмысленных мечтаниях» земцев, показала достаточно ясно, с кем придется

иметь дело. Тогда же было пущено в ход стихотворение, распространявшееся в тысячах рукописных экземпляров» («Пережитое», стр. 29. См. также «Русская сатира первой революции 1905–1906 гг.». Л., Госиздат, 1925).

Это была революция. — Революционным движением кутаисской молодежи руководил через свои большевистские организации Имеретино-Мингрельский комитет РСДРП, на практике осуществляя указания В. И. Ленина: «Нужны молодые силы… В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь не боясь ее. Время военное. Молодежь решит исход всей борьбы, и студенческая и еще больше рабочая молодежь. Бросьте все старые привычки неподвижности, чинопочитания и пр. Основывайте из молодежи сотни кружков впередовцев и поощряйте их работать вовсю. Расширяйте комитет втрое приемом молодежи, создавайте пяток или десяток подкомитетов, «кооптируйте» всякого и каждого честного и энергичного человека» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 247).

При Имеретино-Мингрельском комитете был создан ученический комитет, который руководил социал-демократическими кружками при учебных заведениях. Ленинская газета «Пролетарий» в номере от 20 июня 1905 года отмечала, что комитет вовлекал в число пропагандистов юных революционеров «из бастующей учащейся молодежи».

Делегат III съезда РСДРП (апрель — май 1905 г.) от Кавказского партийного центра Миха Цхакая (Барсов), оценивая положение в Грузии, в своем докладе на съезде отмечал: «В районе Имеретино-Мингрельского комитета работа закипела главным образом с осени 1903 г., а весь 1904 г. и начало этого 1905 г. были триумфом для работников этого комитета. Здесь, на пространстве, не меньшем территориально, чем Гурия, раскинулись кружки, по последним сведениям за февраль месяц, количеством до 600; устраиваются громадные митинги в 100, 1000 и 5000 человек. Таким образом, к бастовавшим гурийцам в 1903 и 1904 гг. присоединился громадный район Имеретии и частью Мингрелии. Хотя Имеретино-Мингрельский комитет — не комитет сельских рабочих, а комитет партии, который работает и в городе Кутаисе, и в Чиатурах в среде горных рабочих, но громадную долю своих сил комитет уделяет крестьянскому движению, и наши энергичные товарищи уже успели его весь распропагандировать, так что затхлый губернский город, каких немало в России, они обратили в один из очагов революции» (цит. по сб «Маяковский в Грузии». Тбилиси, «Заря Востока», 1936, стр. 112–113).

По докладу Миха Цхакая В И Ленин написал резолюцию III съезда РСДРП «По поводу событий на Кавказе», принятую съездом. В резолюции отмечались «особые условия социально-политической жизни Кавказа», которые способствовали широкому революционному движению среди большинства населения Кавказа, как в городах, так и в деревнях, где это движение «дошло уже до всенародного восстания против самодержавия» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 1, стр. 120).

Широкое революционное движение уже в феврале 1904 года охватило всю учащуюся молодежь Кутаиса. 3 февраля забастовка молодежи переросла в грандиозную демонстрацию. Это была первая открытая политическая демонстрация учащейся молодежи в Грузии. «Казаки лупили нагайками меня вместе со всеми, — рассказывал впоследствии Владимир Маяковский о своем участии в демонстрациях, — Это было первое мое крещение как революционера и агитатора» (цит. по кн. «Маяковский в Грузии», стр. 107).

Знаменательно, что «первое крещение» В. Маяковского как революционера и агитатора совпало с его первыми литературными опытами. В. А. Васильев (1881–1964), классный наставник будущего поэта (преподавал русский язык и историю), в своих воспоминаниях сообщает: «Припоминаю, что в 1904 году… Маяковский обратился ко мне с маленьким стихотворением, прося прочесть его Стихотворение это, небольшое по объему, старательно переписанное крупными, тщательно вырисованными буквами, поразило, помнится мне, не содержанием, а особой оригинальностью ритма; она было написано белым стихом. Я посоветовал Маяковскому работать над собой» (В. А. Васильев. «Кутаисская гимназия времени пребывания в ней В. В. Маяковского», Пятигорский гос. пединститут, 1948, стр. 6).

Стихи и революция как-то объединились в голове. — Революционная действительность первой русской революции (1905–1907) сыграла огромную роль в формировании взглядов будущего поэта. «Мы диалектику учили не по Гегелю. Бряцанием боев она врывалась в стих», — скажет он об этом во вступлении к поэме «Во весь голос». Именно с 1905 года революция для Маяковского становится и поэтическим понятием. Это понятие он пронесет через всю свою жизнь. С этим понятием — «стихи и революция» — он будет оценивать свои первые литературные опыты в Москве (см. главы «Первое полустихотворение» и «11 бутырских месяцев»).

905-й ГОД. *Не до учения… Перешел в четвертый…* — В аттестационном листе ученика 3-го параллельного класса Кутаисской мужской гимназии Владимира Маяковского за 1905/1906 гг. значатся следующие общие годовые отметки: закон божий — 3; русский язык — 4; латинский язык — 3; французский язык — 3; немецкий язык — 3; математика — 3; история — 4; география — 4; естествоведение — 5; рисование — 5 (Центральный государственный исторический архив — ЦГИА — ГССР).

По постановлению педагогического совета от 13 июня 1906 года Владимир Маяковский был переведен в 4-й класс «по прошению матери».

…убили генерала Алиханова. — Здесь неточность. Палач генерал-майор Алиханов-Аварский был убит во время восстания 1907 года. На Алиханова, который отличался жестокостью при подавлении революционных выступлений, было совершено несколько покушений. Известие об одном из них, наверное, и запомнил Маяковский.

Пошли демонстрации и митинги. Я тоже пошел. Хорошо. — В течение 1905 года революционная волна в Грузии продолжала нарастать. Маяковский внимательно следил за событиями народной борьбы против самодержавия. Уже весной крестьяне Озергутского уезда обучались военному делу и открыто готовились к вооруженному восстанию. В большевистской газете «Вперед» (10/23 марта) говорилось: «Для революции готова Гурия (Озергутский уезд. — *В. М.),* которая в случае нужды сегодня может выставить 15 000 отборных людей».

«Володя Маяковский, как и другие товарищи, всецело был на стороне революции, — вспоминает Е. Е. Гванцеладзе, учившийся в то время в Кутаисской гимназии. — Занятия в гимназии шли нерегулярно. Бывали забастовки… демонстрации, в которых мы принимали участие» (ГММ).

«В Кутаисе 15-го ожидаются беспорядки, потому что будет набор новобранцев. 11-го здесь была забастовка поваров. По газетам видно, что и у вас большие беспорядки», — пишет Володя Маяковский старшей сестре осенью 1905 года («О Владимире Маяковском», стр. 93).

«15 октября началась всеобщая забастовка, и по всей губернии разгорелся пожар — все население с оружием поднялось, захватило и испортило железную дорогу и телеграф. Гурийские дружины начали гулять по всей губернии, в Гурии началась бойня войск и полиции и подготовлено было провозглашение республики» (С. В. Маглакелидзе. Владимир Александрович Старосельский /документы и материалы/.

Тбилиси, 1969, стр. 194).

«Первая победа над царскими башибузуками была одержана в Гурии, — сообщал в письме к сестре Людмиле Маяковский, — этих собак там было убито около двухсот. Кутаис тоже вооружается, по улицам только и слышны звуки «Марсельезы» («О Владимире Маяковском», стр. 94).

К осени 1905 года первая русская революция достигла своей высшей точки. О. В. Маяковская пишет в Москву Л. В. Маяковской в начале ноября 1905 года: «Здесь реалисты и гимназисты бастуют до тех пор, пока не снимут военное положение. Представь, до чего озверела полиция. В старом здании реального училища «на всякий случай» стоят пушки. Поневоле им приходится бастовать… У нас была целую неделю забастовка…» (ГММ). Мать поэта в письме от 12 ноября 1905 года сообщает: «Оля занимается в гимназии, а Володя только бегает на сходки. Сейчас тоже побежал в гимназию, несмотря, что уже вечер: он присоединился к группе шестиклассников, к ним приходит студент и читает им новые книги, а Володя очень этим интересуется, он у нас большак, сильно идет вперед, и удержать не могу» (ГММ).

В своих воспоминаниях о сыне А. А. Маяковская говорит: «Многие из окружающих нас людей считали, что мы предоставляем слишком много свободы и самостоятельности Володе в его возрасте. Я же, видя, что он развивается в соответствии с запросами и требованием времени, сочувствовала этому и поощряла его стремления» («Детство и юность Владимира Маяковского», стр. 58).

СОЦИАЛИЗМ. *В окнах белые книжицы. «Буревестник»… Покупаю все.* — Издательство «Буревестник» в годы первой русской революции выпускало социал-демократическую литературу. Книги этого издательства покупали дети Маяковских. Оля писала старшей сестре в конце октября 1905 года: «Теперь читаю очень интересные книги. Я купила себе книги. «Положение жен<щины> в настоящем и будущем», «Долой социал-демократов!», «Социализм в Японии», «О программе работников», «Что такое рабочий день?», «Идеи марксизма в германской рабочей партии», «Об избирательном праве», «Буржуазия, пролетариат и коммунизм», «Среди людей», «Мозг и душа».

Подобных книг купил себе и Володя 10 штук. Такого же рода много книг я прочла, которые мне одолжили Корганова, а также гимназисты, наши соседи. Эти книги очень дешевы — по 10, 15 и 8 копеек. Их теперь привезли, и они прямо нарасхват» (ГММ).

«Долой социал-демократов». — Брошюра немецкого

социалиста В. Бракке (1842–1880), в которой разоблачалась буржуазная клевета на социал-демократов.

«Экономические беседы». — Работа профессора, экономиста, статистика, земского деятеля Н. А. Карышева (1855–1905).

В. И. Ленин в ряде своих трудов резко критиковал и разоблачал сущность либеральных народнических взглядов Н. Карышева.

«У нас сохранилась переплетенная Володей книга Токвиля «Старый порядок и революция» и два сборника брошюр. В одном из них объединены: Ф. Энгельс «Крестьянский вопрос во Франции и Германии»; М. Шиппель «Профессиональные союзы рабочих»; З. Ф. Зейдель «Нормальный рабочий день», К. Каутский «Воспоминания (Автобиография)»; Ф. Лассаль «Гласный ответ Центральному Комитету, учрежденному для созвания общего германского конгресса в Лейпциге».

В брошюре Лассаля помещен его портрет. Очевидно, этот портрет Лассаля понравился Володе: «Без бороды. Моложавей».

В другом переплете он поместил брошюры: К. Либкнехт «Воспоминания о Марксе» и К. Каутский «Социальная реформа и на другой день после реформы» («О Владимире Маяковском», стр. 98).

На всю жизнь поразила способность социалистов распутывать факты, систематизировать мир… Меня ввели в марксистский кружок. — «В начале 1905 года в студенческой московской среде считалось, что тот, кто не прочитал «Манифеста Коммунистической партии», тот не интеллектуал и отстает от века Знакомство с этой книгой считалось непременным для людей, интересующихся политикой. Вот почему летом, перед отъездом на каникулы в Багдади, я взяла с собой много брошюр социалистического содержания (см. неполный список, приведенный в моей книге «Пережитое»).

Среди этих брошюр была тоненькая брошюра К. Маркса и Ф Энгельса «Капитализм и коммунизм», изданная… в Москве в 1905 году. Сейчас мало кто знает, что это… классический труд К Маркса и Ф. Энгельса «Манифест Коммунистической партии», который изучают студенты первых курсов… Читали и я, и Оля, и Володя Володя и Оля изучали «Манифест» самостоятельно. Кроме того, не надо забывать, что мой брат и сестра систематически занимались в нелегальном марксистском кружке, который вел Г. Корганов…» (ГММ).

Рубакин, Николай Александрович (1862–1946) — русский библиограф, писатель. Сочинения Рубакина, содержащие огромный фактический и статистический материал, использовались В. И. Лениным, который высоко оценил издание

Рубакина «Среди книг» (1906): «Ни одной солидной библиотеке без сочинения г-на Рубакина нельзя будет обойтись» (Полн. собр. соч., т. 25, стр. 112). Вместе с тем В. И. Ленин отмечал и «эклектизм автора»: «Автор забывает… что он хочет дать обзор «истории идей», а история идей есть история смены и, *следовательно, борьбы* идей» (там ж е).

«Эрфуртская» — программа Германской социал-демократической партии, принятая в Эрфурте в 1891 году и действовавшая до 1921 года. Эрфуртская программа была шагом вперед по сравнению с Готской программой (1875), так как в ее основу было положено учение марксизма о неизбежности гибели капиталистического способа производства и замены его социалистическим. В программе подчеркивалась необходимость для рабочего класса вести политическую борьбу, отмечалась роль партии как руководителя этой борьбы и т. п. Однако в ней содержались и серьезные уступки оппортунизму. Критикуя проект программы, Энгельс писал: *«В нем нет того,* что собственно следовало сказать» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд, т. 22, стр. 236). Главным недостатком Эрфуртской программы В И Ленин считал умолчание о диктатуре пролетариата (Полн. собр. соч., т. 33, стр. 67–74).

Стал считать себя социал-демократом стащил отцовские берданки в эсдечий комитет. — Еще будучи подростком, Владимир Маяковский хорошо ориентировался среди политических партий, существовавших тогда на Кавказе, и от «живописного» восприятия («в черном анархисты, в красном эсеры, в синем эсдеки, в остальных цветах федералисты»), которое, очевидно, было только в самом начале 1905 года, быстро перешел к пониманию сложных явлений действительности, выяснив весь смысл встречавшихся ему *«незнакомых понятий»:* охотничьи ружья отца сдал в большевистский комитет, который размещался в доме напротив (теперь музей А. Цулукидзе). «Этот факт, о котором лишь мельком упоминается в автобиографии, очень показателен для политических позиций будущего поэта. Он может быть по-настоящему понят и по достоинству оценен только с учетом исторической обстановки и тех труднейших условий, в которых вела борьбу наша партия» (Г. С. Черемин. «Путь Маяковского к Октябрю». М., «Наука», 1975, стр. 13). «Не отступайте от своего долга — не жалейте внести вашу лепту в дело вооружения народа!» — призывал Тифлисский комитет 24 октября 1905 года. Надо полагать, что ружья, о которых говорит Маяковский, являлись служебной собственностью лесничества. Очевидно, что оружие было передано в «эсдечий комитет» с разрешения родителей. Маяковский стремился оказать

непосредственную помощь большевистской партии, революции.

Лассаль, Фердинанд (1825–1864) — немецкий мелкобуржуазный социалист.

Демосфен (384–322 до н. э.) — древнегреческий оратор и выдающийся политический деятель.

Рион (Риони) — горная река, берущая начало с Главного Кавказского хребта. В районе Кутаиси представляет собой бурный поток.

РЕАКЦИЯ. *Бауман,* Николай Эрнестович (1873–1905) — выдающийся деятель Коммунистической партии; 18/31 октября 1905 года во время демонстрации был убит черносотенцем. Похороны Баумана вылились в мощную политическую демонстрацию, сыгравшую огромную роль в подготовке пролетариата к декабрьскому вооруженному восстанию.

1 ноября 1905 года А. А. Маяковская писала Л. В. Маяковской в Москву: «Слышала ли ты, что произошло в Тифлисе, в 1-й гимназии? Там перестреляли много, даже маленьких не пожалели.

Похороны Баумана произвели сильное впечатление… Много происходит убийств и грабежей, и в Гурии сильные столкновения с войсками, теперь в России льется больше крови, чем в Маньчжурии» (ГММ).

«Когда в Кутаисе стало известно об убийстве Н. Э. Баумана, там состоялась большая демонстрация рабочих и учащихся…

Володины товарищи по гимназии вспоминали, как он, шагая в рядах демонстрантов, читал по-грузински стихи революционного поэта Иродиона Евдошвили «К друзьям»…

Вперед, друзья, смелее!
Пусть не страшит нас бой.
Пусть кровью грудь алеет,
Пусть льется пот рекой.
. . . . . .
Пусть смерть нас не пугает,
Хоть пули градом — пусть!
Кто с нами не шагает,
Друзья, он жалкий трус.
. . . . . .
Вперед, друзья! Нагрянем
На ненавистный строй,
Ведь правды стяг багряный
Сияет нам зарей».

(«О Владимире Маяковском», стр. 95–96).

906-й ГОД. *Умер отец.* — Житель села Багдади Симон Сванидзе, работавший в багдадском лесничестве с 1889 года, так рассказывает о смерти отца поэта: «В Багдади Владимир Константинович жил у нас… Поехал в Кутаис, чтобы привезти зарплату служащих. Получив зарплату, он направился к заводу Датешидзе, где была стоянка дилижансов. Карман Датешидзе, хозяин дилижансов и хозяин лесопильных заводов, пригласил лесничего в контору, так как до отъезда дилижансов оставалось около двух часов. Владимир Константинович попросил иголку, чтобы зашить бумаги в папку. Зашивая бумаги, он сильно нажал на иголку и повредил себе палец. Палец был глубоко проткнут иголкой, и иголка сломалась… Тут же пришли к нему на помощь и иголку вытащили. Датешидзе посоветовал ему не ездить в Багдади и на всякий случай обратиться к врачу. Он не захотел остаться, так как с ним были деньги для раздачи служащим… Через несколько часов дилижанс поехал, а еще через несколько часов лесничий приехал в Багдади. По дороге рука начала болеть, боль все усиливалась. Было уже темно, когда Владимир Константинович подошел к нашим воротам и окликнул нас. Я тотчас же кинулся к нему, взял хурджин. Лесничий кликнул мою мать: «Барбаре, дорогая, я очень болен, постелите мне». Все было устроено моментально. Владимира Константиновича уложили в большой комнате. Всю ночь он охал и жаловался, боль в руке усиливалась. На другой день я позвал доктора. Тогда у нас в Багдади был один врач… который потребовал немедленно везти больного в Кутаис. Он сказал, что положение больного безнадежное. Я кинулся искать экипаж. Что можно было найти тогда в Багдадах? Наконец я разыскал линейку… Отправляясь, деньги он передал мне, и я их роздал согласно ведомости.

Утром, на другой день, от приехавших объездчиков я узнал, что лесничему стало хуже, а через день мы узнали горестную весть, что не стало нашего друга и наставника» (ГММ).

В докладной от 13 марта 1906 года лесного ревизора, осуществлявшего ревизию после смерти В. К. Маяковского, говорится: «Багдадский лесничий Маяковский, умерший в ночь с 19/20 февраля с. г., 16 лет безупречно прослужил лесничим, оставив после смерти 3-х детей и жену без всяких средств к жизни… Покойный, благодаря открытой душе, готов был всегда помогать крестьянам и потому выбирался в санитарную комиссию м. Багдади, комиссию по устройству школ и считался любимцем народа.

Ввиду изложенного, я покорнейше прошу управление о

своевременном возбуждении ходатайства в выдаче усиленной пенсии семье г. Маяковского, так как, насколько мне известно, после его смерти никаких средств к жизни не осталось, а старшая дочь обучается в Москве, Строгановском училище технического рисования, а меньшая в Кутаисской классической гимназии, младший сын во 2 классе Кутаисской классической гимназии и все они, занимаясь успешно, подают прекрасные надежды, но если им не будет оказана своевременная материальная помощь, то дети вынуждены будут покинуть учение и идти по миру за подаянием. Лесной ревизор Кикодзе» («Исторический вестник», № 15–16, Тбилиси, 1963, стр. 376–377).

«После смерти отца мы стали болезненно относиться к уколам и порезам. Володя даже носил с собой йод, маленькую мыльницу и лишний платок…

Брат пережил это большое горе тяжело, но мужественно. Он почувствовал себя единственным мужчиной в доме и сразу стал заботиться и помогать семье. Володя сильно изменился внешне. С этого времени он стал хмуриться, и у него появилась характерная складка на лбу…

Володя не любил делиться своими переживаниями. Под короткой фразой в автобиографии, относящейся к смерти отца: «С тех пор терпеть не могу булавок», кроется страшная травма, глубокое чувство боли…» («О Владимире Маяковском», стр. 103).

Двинулись в Москву. Зачем? Даже знакомых не было. — Л. В. Маяковская вспоминает: «Володя, очевидно, имел в виду знакомых самостоятельных, с положением, которые могли бы оказать существенную материальную помощь. Были знакомые студенты и курсистки — пролетарии, революционеры, которые могли оказать моральную помощь, а также помогли Володе закрепить и развить революционное мировоззрение…» (ГММ).

ДОРОГА. — 20 июля 1906 года осиротевшая семья Маяковских выехала из Кутаиси в Москву.

С 1 августа 1906 года начался московский период жизни Маяковских. Владимир Маяковский навсегда сохранит память о Грузии, о «багдадских небесах», опрокинувшихся в его поэзию.

МОСКВА. *Знакомые сестры — Плотниковы.* — Семья вдовы Екатерины Георгиевны Плотниковой состояла из пяти человек. Особенно дружна Л. В. Маяковская была с Тамарой Александровной Плотниковой. Ее брат А. А. Плотников вспоминает о приезде Маяковских: «В то время, как они приехали, мы жили в Разумовском… Маяковские остановились у нас… Приехали они в ужасно тяжелом положении — лишились отца,

куска хлеба, пенсия сначала у Александры Алексеевны была ничтожная. По окончании лета они сняли квартиру…

На нас он (В. Маяковский. — В. М.) произвел очень хорошее впечатление… Очень любил читать… Набрасывался на все. Этот человек читал всегда все…

Революционных книг у нас очень много было. Вся нелегальная литература в то время у нас имелась. Но Володя и на классиков набрасывался (ГММ).

МОСКОВСКОЕ. *С едами плохо. Пенсия — 10 рублей в месяц.* — Такая пенсия была дана А. А. Маяковской только на малолетних детей, так как умерший отец семейства не дослужил до полной пенсии один год. В связи с тяжелым материальным положением Александра Алексеевна решила хлопотать о получении полной пенсии и единовременного пособия на образование детей. Вместе с А. А. Маяковской о выдаче «усиленной пенсии» хлопотали Кутаисский лесной ревизор Кикодзе, брат отца поэта М. К. Маяковский, друг семьи Маяковских — С. А. Махмудбеков и др.

Я и две сестры учимся. — В августе 1906 года В. Маяковский поступил в четвертый класс Пятой московской классической гимназии; его сестры учились. Л. В. Маяковская — в Строгановском художественно-промышленном училище (закончила полный курс в 1910 году), О. В. Маяковская — в Московской женской гимназии Ежовой (закончила восьмой дополнительный класс в 1909 году).

Вася Канделаки. — Василий Васильевич Канделаки (1883–1938), партийный и научный работник (см. его воспоминания: сб. «Маяковский в Грузии». Тбилиси. «Заря Востока», 1936, стр. 138–139).

А. А. Плотников, революционер, знакомый семьи Маяковских, вспоминает: «С Канделаки я встречался. Это был студент, идейный большевик, он яро участвовал в движении, организовывал кружки. Он невольно увлекал и Володю. Непосредственная его связь, несомненно, пошла именно отсюда. Канделаки жил у них на Бронной. На Пресне я с ним тоже встречался, но не помню, — как с гостем или как с жильцом…» (ГММ).

РАБОТА. *Пришлось выжигать и рисовать.* — В семье Маяковских основным кормильцем была Л. В. Маяковская. Вместе с Людмилой Владимировной выжиганием и разрисовкой различных кустарных изделий (коробок, рамок, стаканов для ручек и т. д.) занимались Оля и Володя. А. А. Плотников

вспоминал, что Володя постоянно рисовал, и Людмила Владимировна говорила, что это ее конкурент. «Мне кажется, — пишет Плотников, — если бы он пошел по этой линии, то был бы большим мастером искусства» (ГММ).

…запомнились пасхальные яйца. — Здесь неточность. Л. В. Маяковская свидетельствует: «Яйца и другие деревянные вещи мы выжигали и рисовали не в то время (то есть не в 1906 году. — В. М.), когда подавалось прошение о пособии, а в 1907–1908 гг.» (ГММ).

Бем (Эндаурова), Елизавета Меркурьевна (1843–1914) — модная в то время художница; иллюстрировала журналы «Игрушечка», «Малютка», «Посредник», «Нива», «Новое время». По ее рисункам выпускалась серия открыток в сентиментальном псевдорусском стиле.

ГИМНАЗИЯ. — «Уровень прохождения учебных предметов был в Москве выше, чем в Кутаиси. Володя отстал по языкам, особенно по греческому, латинскому, и по математике» («Пережитое», стр. 49). Основная же причина неуспеваемости В. Маяковского была в том, что он много времени уделял изучению марксистской литературы, так как в это время у него сильно возрос интерес к жизни большевистской партии.

ЧТЕНИЕ. — «Его (В. Маяковского. — *В. М.)* уже давно не удовлетворяли брошюры, он перешел к серьезным, научным книгам и читал систематически, планомерно, по рекомендации партийных товарищей и руководителей марксистских кружков. Так прочитал он предисловие К. Маркса к его «Критике политической экономии», содержащее сжатое изложение материалистического понимания истории, а также нелегально изданную брошюру В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», призывавшую к революционному свержению… буржуазного господства» («О Владимире Маяковском», стр. 120).

По свидетельству В. И. Вегера, члена большевистской партии, Московский комитет большевиков нелегально выпустил в ограниченном количестве новое издание ленинской работы «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Это издание — в синенькой обложке — В. Маяковский «мог получить… только как член Московской организации большевиков» («Пережитое», стр. 50).

ПЕРВОЕ ПОЛУСТИХОТВОРЕНИЕ. — Товарищ Маяковского, Сергей Сергеевич Медведев (1890–1971), учившийся в то время в

третьей гимназии (впоследствии академик, химик), рассказывает, что у них в гимназии существовал нелегальный социал-демократический кружок, в работе которого принимал участие и Маяковский. Кружок издавал рукописный журнал «Порыв». По имеющимся сведениям для этого журнала Маяковский писал статьи, рассказы и стихи под псевдонимами «Константин», «Ъ» и др. (А. Самойлов. ГММ; «Литературная газета», 1973, 4 июля). Стихотворения В. Маяковского «Весенняя картинка» и «Полно плакать над ним…», не вошедшие в настоящее издание, воспроизведены в «Литературной газете».

Вроде теперешнего Кириллова. — Кириллов, Владимир Тимофеевич (1889–1943) — советский поэт, входивший в литературную группу «Кузница», отколовшуюся в 1920 году от Пролеткульта.

ПАРТИЯ. *1908 год. Вступил в партию РСДРП (большевиков).* — В. Маяковский вступил в партию в конце 1907 года или в самом начале 1908 года (С. С. Медведев. — ГММ).

«В конце февраля 1908 года Володя пришел к маме и сказал:

— Я работаю в социал-демократической партии, меня могут каждый день арестовать, поэтому я прошу скорей взять мои документы из гимназии, так как будет хуже, если меня арестуют и исключат из гимназии без права поступления в какие-либо учебные заведения. Мама согласилась с Володей» («О Владимире Маяковском», стр. 122).

1 марта В. Маяковский выбыл из гимназии и перешел всецело на нелегальную партийную работу.

Член Коммунистической партии с 1904 года, участник вооруженного восстания в Москве в 1905 году Карахан (Караханов) Иван Богданович (1883–1956) в своих воспоминаниях писал о Маяковском: «…Знакомство наше началось в 1906 году… В то время я работал пропагандистом Московской организации большевиков. Маяковский бывал со мной на собраниях подпольных кружков, которыми я руководил, и участвовал в беседах. В Лефортовском районе, в частности на фабрике Ранталлера (теперь имени Балакирева), у меня и у него были тесные связи с рабочими.

Таким образом, еще до вступления в партию Маяковский фактически уже работал в ней…

Пребывание Маяковского в партии большевиков не было случайным, как говорили его враги. Оно было продиктовано всем существом его интеллекта…

Несомненно, большое место в формировании взглядов молодого Маяковского принадлежит В. И. Вегеру, который

принимал Маяковского в партию, а позже встречался с ним в тюрьме…

Вегер был членом Московского Комитета и ведал большевистской группой в Московском университете… в партийной среде пользовался большим авторитетом…

Будучи связан с В. Маяковским уже по работе в партии, я познакомил его с В. М. Загорским (партийная кличка «Денис»)… Они встречались друг с другом. Маяковский исполнял поручения, которые давал ему Загорский: доставлял явки, переправлял нелегальную большевистскую литературу и т. п.

В 1918 году В. М. Загорский был избран секретарем Московского Комитета. В сентябре 1919 года он погиб во время взрыва бомбы, брошенной контрреволюционерами в помещение Московского Комитета партии» («Маяковский в воспоминаниях родных и друзей», стр. 106–109).

Пропагандист. Пошел к булочникам. — Член КПСС с 1913 года Андрей Григорьевич Носков рассказывает, что в июле 1906 года полиция разгромила союз московских булочников. По заданию МК партии осенью того же года был создан нелегальный союз, который также подвергался набегам. Действовавший при союзе нелегальный большевистский кружок в связи с новыми арестами практически прекратил свою работу. «Снова по-настоящему кружок заработал в январе 1908 года с появлением третьего пропагандиста, рекомендованного районным комитетом большевиков Городского района. Новый пропагандист, молодой человек, почти юноша, сразу пришелся ко двору и скоро стал в кружке своим человеком. Звали его товарищ Константин, «Костя», как его стали называть рабочие.

Оратор он был толковый, говорил убедительно, а главное, умел расшевелить слушателей…

Мне пришлось быть на нескольких занятиях «Кости». На одном читали и обсуждали статью или статьи из очередного номера большевистской газеты «Пролетарий», недавно полученной из-за границы. На другом слушали беседу о Карле Марксе в связи с его юбилейной датой… На этом занятии я впервые услышал о «Коммунистическом Манифесте» и узнал, откуда появился социал-демократический лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

О «Манифесте» «Костя» говорил подробно, несколько раз переспрашивал, все ли понятно, и когда кто-то из нас высказывал сомнение, он возвращался к вопросу снова. Про себя скажу, что я в тот раз разобрался в «Манифесте» не шибко хорошо, но отдельные его положения дошли до моего сознания. В частности, крепко врезались в память слова: «Пролетариям нечего терять,

кроме своих цепей, а завоюют они целый мир».

— Вот вы, булочники, — обращаясь к нам, сказал «Костя», — пока работаете на капиталистов, от цепей вам никуда не уйти. Кто бы ни был ваш хозяин — Филиппов, Титов, или какой-нибудь «черт Иваныч» — все они одинаково пьют вашу кровь, тянут ваши жилы, чтобы самим жиреть да богатеть. С победой революции цепи рабства падут, царь и капиталисты полетят вверх тормашками, а рабочие и крестьяне сами станут хозяевами своей судьбы.

Для того чтобы революция победила, надо, невзирая на драконовские препятствия, безустанно готовиться к ней, а также пополнять ряды социал-демократической рабочей партии, она наш вождь и организатор.

После этих слов «Кости» для нас ясней стала главная цель борьбы рабочего класса и неотложная необходимость подпольной работы в массах…» (ГММ).

«Партийная работа явилась школой для «товарища Константина» и истоком творчества для поэта Маяковского» («Пережитое», стр. 58).

Были Ломов, Поволжец, Смидович и другие. Звался «товарищем Константином». — Ломов — партийная кличка члена Московского Комитета большевиков Георгия Ипполитовича Оппокова (1888–1938); Поволжец — партийная кличка Владимира Ильича Вегера (1888–1945); Смидович Петр Гермогенович (1874–1935) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. В 1906–1908 гг. — член Московского Комитета большевиков. После Октябрьской революции неоднократно избирался членом Президиума ВЦИК и в состав ЦИК СССР и его Президиума.

В период партийной работы Маяковский встречался со многими большевиками. Будучи избранным в состав Московского Комитета партии, «товарищ Константин» — Маяковский — бывал у старейшего участника русского революционного движения, видного партийного деятеля И. И. Скворцова-Степанова (1870–1928) «по вопросам теоретическим и пропагандистским» (В. И. Вегер. — ГММ).

АРЕСТ. *Нарвался на засаду в Грузинах.* — Маяковский был арестован полицией 29 марта 1908 года по делу о подпольной типографии Московского Комитета РСДРП (большевиков), которая находилась в Ново-Чухнинском переулке (Грузинах), на квартире рабочего С. И. Трифонова. При аресте был составлен протокол- «1908 г., 29 марта, в 3 часа дня в управление 2-го уч<астка> Пресненской части явился городовой № 1688 —

Николай Соловьев — сего участка и доставил из кв. 7 дома Коноплина по Ново-Чухнинскому переулку сего участка прокламации: «Рабочее знамя»—84, «Солдатская газета» — 6, «Новое наступление капитала» — 76, все — Российской социал-демократической рабочей партии, и с ними мужчину, назвавшегося столбовым дворянином Кутаисской губернии Владимиром Владимировым Маяковским, 17 лет, проживающим в кв. 52 дома Безобразова по Тверской-Ямской улице, 1-го участка Сущевской части, и доложил, что задержали его с прокламациями в кв. № 7 дома Коноплина. При задержании он ответил, что пришел к товарищу, к которому принес прокламации, которые держал в руках…

О чем составлен протокол.

Околот-надзиратель (подпись).

Городовые (подписи)».

«29 марта 1908 года опрошенный Владимир Владимиров Маяковский показал, что принес прокламации неизвестному мужчине, с которым встретился у памятника Пушкину на Тверской, 20 сего марта и который дал эти прокламации ему и просил принести ему в кв. 7 дома Коноплина, а знаком с ним с мая месяца 1907 г., и где в то время он жил, не знает, звать его Александр».

Под протоколом подпись: Владимир Маяковский.

В тот же день полиция произвела обыск на квартире — 3-й Тверской-Ямской, дом 28, кв. 52, где жили Маяковские, но благодаря находчивости О. В. Маяковской ничего не нашли.

«Пока шел разговор с полицейскими в передней части квартиры (в крайнюю комнату надо было пройти длинным, узким коридором), сестра Оля, находившаяся в угловой комнате, спустила из окна через форточку на соседнюю крышу в снег несколько пачек нелегальной литературы. Поэтому в квартире у нас ничего компрометирующего Володю не нашли.

После обыска я отправилась на поиски брата в ближайший полицейский участок, в Оружейном переулке. Я чувствовала боль за Володю и в то же время гордилась им…

Володи там не оказалось. Мне сказали, что его уже перевели в Пресненскую часть, возле Кудринской площади (ныне площадь Восстания), а затем — в Сущевскую, куда я получила пропуск на свидание для всей семьи» («О Владимире Маяковском», стр. 127–128).

29 марта 1908 года московский градоначальник Адрианов вынес следующее решение об аресте: «…получив сведения,

дающие основания признать потомственного дворянина Владимира Владимирова Маяковского вредным для общественного порядка и спокойствия, руководствуясь § 21 высочайше утвержденного в 31 < -й > день августа 1881 года Положения об усиленной охране, постановил: означенного Маяковского, впредь до выяснения обстоятельств дела, заключить под стражу при Сущевском полиц < ейском > доме с содержанием согласно ст < атье > 1043 Уст < ава > угол < овного > судопр < оизводства > …

Генерал-майор Адрианов».

«Дело с освобождением Володи осложнилось тем, что при аресте он сказал, будто ему семнадцать лет, тогда как ему не было еще полных пятнадцати, — писала Л. Маяковская, — пришлось со всеми документами доказывать истину, но в охранном отделении нам не верили…

Володя не хотел, чтобы при аресте с ним поступили как с мальчишкой и потому умышленно выдал себя за семнадцатилетнего. Он требовал отношения к себе, как к взрослому… Но при официальном допросе, должно быть, предвидя возможность опровержения его данных о возрасте, сказал правду.

Володю оставили под стражей в первом участке Сущевской части. Его допрашивал следователь по особо важным делам. Вел Володя себя на допросе как опытный подпольщик» («О Владимире Маяковском», стр. 128–129).

Следователь Вольтановский Р. Р. — следователь по особо важным делам, ярый защитник престола. В газете «Утро России» 15 января 1917 года о нем говорится: «…занимал очень видное место в судебном мире Москвы. Все крупнейшие дела последних 10–12 лет, прошедшие в московских судах, были подготовлены им… Это был… службист, полагающий в основу своей бюрократической карьеры беспощадное применение самых суровых велений закона…»

6 апреля 1908 года дело четырнадцатилетнего Маяковского было передано в ведение Вольтановского.

Ознакомившись с документами о В. Маяковском, Вольтановский выносит следующее решение:

«Маяковского привлечь по настоящему делу в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном 1 < -й > ч < астью > 102 ст < атьи > Угол < овного > улож < ения > ».

В 1-й части статьи 102 говорилось: «Виновный в участии в сообществе, составившемся для учинения тяжкого преступления, статьею 100 предусмотренного, наказывается: каторгой на срок не

свыше 8 лет» А статья 100 предусматривала: «Виновный в насильственном посягательстве на изменение в России или в какой-либо ее части установленных законами основными образа правления или порядка наследия Престола или отторжение от России какой-либо ее части, наказывается: смертной казнью» (Уголовное уложение. СПб., изд. Н. С. Таганцева, 1904 г., стр. 181).

Показания тщательно проверялись. Жандармское охранное отделение запросило московскую гимназию и Грузино-имеретинскую синодальную контору города Тифлиса о возрасте Маяковского. Убедившись, что обвиняемому только 14 лет, и не добившись от Маяковского признания себя виновным, Вольтановский вынес следующее постановление: «1908 года, апреля 9 дня, Судебный Следователь Московского Окружного Суда по особо важным делам Вольтановский, допросив дворянина Владимира Маяковского в качестве обвиняемого в участии в Московской организации «российской социал-демократической рабочей партии» (I ч. 102 ст. Угол. Улож.) и приняв во внимание состояние здоровья обвиняемого, а также, что ему в настоящее время 14 лет и что показание его заслуживает доверия, признал возможным ограничиться в отношении его одной из менее строгих мер пресечения способов уклониться от следствия и суда, а потому на основании 2 п. 416 и 421 ст. Уст. угол, судопроизводства постановил: означенного Маяковского отдать под особый надзор полиции по месту его жительства».

Сохранились расписка А. В. Маяковской «О принятии на жительство своего брата» и подписка Маяковского о невыезде:

«1908 г. апреля 9 дня, я, нижеподписавшийся, Владимир Владимирович Маяковский, дал сию подписку приставу I<-го> уч<астка> Сущевской ч<асти> в том, что без ведома полиции обязуюсь никуда не отлучаться.

Дворянин Владимир Владимирович Маяковский».

Маяковский вышел на свободу, но подпольной политической работы не прервал. Следствие же по делу тайной типографии продолжалось.

С недоумением прочел «Санина». — «Санин» — роман реакционного писателя М. А. Арцыбашева (1878–1927), опубликованный после поражения первой русской революции (1907). Герои «Санина», как и других произведений Арцыбашева, отрицают общественные идеалы, мораль, труд, науку и прославляют паразитические наслаждения жизнью, эгоизм, половую распущенность, животные инстинкты. «Санин» имел скандальный успех в годы столыпинской реакции. После

революции, которую Арцыбашев встретил враждебно, эмигрировал из России и стал одним из злейших врагов Советской власти.

18 января 1909 года В. Маяковский был снова задержан полицией. «У нас в квартире произвели обыск, но ничего не нашли предосудительного, хотя перерыли всю квартиру. Мы торжествовали. Но вдруг взор сыщиков упал на сундук, стоявший незапертым в коридоре. Сверху лежал револьвер, о котором мы и не знали. Полицейские так обрадовались, что больше уже не рылись и немедленно приступили к составлению протокола» («О Владимире Маяковском», стр. 137).

«И опять кратковременная сидка. Взяли револьвер. Махмудбеков, друг отца, тогда помощник начальника Крестов, арестованный случайно у меня в засаде, заявил, что револьвер его, и меня выпустили», — писал Маяковский («Боковая редакция» В. Маяковского в очерке «Я сам», не вошедшая в прижизненные публикации. — ГММ).

ТРЕТИЙ АРЕСТ. *Жившие у нас ведут подкоп под Таганку.* — Исидор Иванович Морчадзе (1887–1956), конспиративное имя Сергей Семенович Коридзе, принимавший активное участие в политических демонстрациях в Кутаиси (1905), в покушении на генерала Алиханова, в декабрьском вооруженном восстании 1905 года в составе кавказской дружины, в своих воспоминаниях рассказывает: «В 1908 году я с ним — моим товарищем (имеется в виду И. М. Сцепуро, подпольная кличка Герулайтис. — *В. М.)* готовил массовый побег из Таганской тюрьмы…

Таганский подкоп не удалось довести до конца. Охранка через провокатора узнала о готовящемся побеге. Но в 1909 году я взялся организовать другой массовый побег из Новинской женской каторжной тюрьмы, который я блестяще провел…

Вот в этом побеге большую незаменимую помощь оказала семья Маяковских» (ГММ).

Этот побег был совершен в ночь на 1 июля 1909 года, а 2 июля по делу о побеге был арестован В. Маяковский в соответствии с Постановлением № 432 от 1 июля 1909 года московского градоначальника (Центральный государственный архив литературы и искусства — ЦГАЛИ). 14 июля он был переведен из Басманного полицейского дома в отдельную камеру Мещанского полицейского дома, а 18 августа — в Центральную пересыльную (Бутырскую) тюрьму и заключен в одиночную камеру № 103.

11 БУТЫРСКИХ МЕСЯЦЕВ. *Белый,* Андрей (псевдоним Бугаева

Бориса Николаевича, 1880–1934), *Бальмонт,* Константин Дмитриевич (1867–1942) — русские поэты-декаденты, представители символизма.

Бальмонт после Великой Октябрьской социалистической революции эмигрировал за границу.

Исписал таким целую тетрадку. Время своего последнего заключения — «тюремный» 1909 год — Маяковский считал началом своей поэтической работы, стихи, написанные в 103-й одиночной камере, были дороги ему. Эту тетрадь он разыскивал в архиве Октябрьской революции в 1925 году и в 1929 году при подготовке выставки «20 лет работы».

Меня выпустили. Должен был (охранка постановила) идти на три года в Турухинск. «Предполагаемая мера взыскания: высылка под гласный надзор полиции в Нарымский край Томской губернии, сроком на три года», — говорится в справке, жандармского ротмистра по делу Маяковского (ЦГИА).

«Что было делать?

Мама без ведома Володи отправилась в Петербург хлопотать о нем. Я, в свою очередь, вела переписку со своими друзьями, которые жили на Дальнем Севере, чтобы, на худой конец, устроить Володю среди своих.

К счастью, и на этот раз удалось «выцарапать» Володю. 9 января 1910 года, незадолго до суда, его освободили как несовершеннолетнего» («О Владимире Маяковском», стр. 149).

Курлов П. Г. — товарищ министра внутренних дел в 1909–1911 гг.

НАЧАЛО МАСТЕРСТВА. *Учился у Жуковского.* — В студии художника-пейзажиста Станислава Юлиановича Жуковского (1873–1944) В. Маяковский занимался четыре месяца. Ученические работы В. Маяковского, в основном натюрморты, которые, по свидетельству Л. В. Маяковской, «были хорошо написаны», утрачены («О Владимире Маяковском», стр. 154).

Пошел к Келину. — «Хорошо помню, как в 1910–1911 гг. Маяковский учился у меня в студии, — пишет Петр Иванович Келин (1877–1946). — Большинство учащихся были москвичи, но были и из провинции. Я подготавливал их в Школу живописи, ваяния и зодчества и в Академию художеств…

Настроение в студии было революционное…

Говорили о революции 1905 года, о народном движении. Маяковский тогда был уверен, что непременно будет революция…

Я — ученик Серова и часто говорил своим ученикам о Серове: о серовской линии, о его простоте, о его взглядах на искусство,

показывал репродукции его работ, водил в Третьяковку. Маяковский Серова очень полюбил. Когда Серов умер (1911), Маяковский был на его похоронах и говорил речь» («Искусство», М., 1940, № 3).

В отчете о похоронах В. А. Серова (1865–1911) газета «Русское слово» 25 ноября 1911 года сообщала: «…Выступил ученик Училища живописи (В. Маяковский. — В. М.) Указав на тяжелые потери, которые понесло русское искусство за последние пять лет в лице Мусатова, Врубеля и, наконец, В. А. Серова, он высказался в том смысле, что лучшее чествование светлой памяти покойного — следование его заветам».

Гольбейн — семья немецких художников эпохи Возрождения Самым выдающимся из них был Гольбейн, Ганс Младший (1497–1543). В историю мирового искусства он вошел как создатель жизненно-ярких реалистических портретов, многие из которых принадлежат к вершинам реализма в искусстве эпохи Возрождения

Поэт читаемый — Саша Черный. — Саша Черный (псевдоним Гликберга, Александра Михайловича, 1880–1932) — поэт-сатирик, юморист Его произведения отражают настроения буржуазной интеллигенции в годы реакции после революции 1905–1907 гг. — бесперспективность, пессимизм, тоску по неопределенному идеалу. Однако многие желчные памфлеты Саши Черного не лишены остроумия и оригинальности. Следует иметь в виду, что отношение Маяковского к Саше Черному было неоднозначный Примером тому служит сохранившаяся афиша первого настоящего вечера сатиры Маяковского в Политехническом музее (8 января 1922 г.), в которой первым номером программы значится «…Древний юмор. Саша Черный Александр Черный. Александр Иванович Белый. Пр. Аверченки». Здесь, видимо, Маяковский имел в виду, что Саша Черный в 1920 году выехал за границу и примкнул к белой эмиграции. Отсюда и разночтения в прижизненных публикациях «Я сам»: «читаемый» и «почитаемый».

ПОСЛЕДНЕЕ УЧИЛИЩЕ. *Сидел на «голове» год.* — Имеется в виду «головной», первый, класс, в котором учились рисовать голову. В августе 1911 года Маяковский «сдал конкурсные экзамены в Московское училище живописи, ваяния и зодчества и был принят в фигурный класс» («О Владимире Маяковском», стр. 158–160), который считался вторым классом этого училища. Маяковский занимался в училище два года, второй год — в натурном классе, не переставая интересоваться поэзией.

По свидетельству современников, Маяковский в это время

неизменно интересовался политическими вопросами и готовил себя к созданию революционного искусства.

«С этой целью, овладевая техникой рисунка и живописи, он стремился практически освоить прогрессивные традиции великих реалистов прошлого. Маяковскому был чужд и ненавистен не только эстетский модернизм (которому в литературе типологически соответствовала декадентская поэзия Бальмонта, Белого, Сологуба и др.), но и официальный академизм, зачастую выступавший под флагом приверженности реалистической классике» (Г. С. Черемин. «Ранний Маяковский» М.-Л., изд-во АН СССР. 1962, стр, 27–28). После ухода В. А. Серова из училища (в 1909 году) официальный академизм укрепил свои позиции и стал особенно невыносим. Воспитывавшийся Келиным в традициях Серова, Маяковский охладел к училищному преподаванию Ненависть к обветшалому академизму «скорее могла толкнуть молодых художников из духа протеста в объятия формалистического искусства. И они начинали прислушиваться к М. Ларионову, Н. Гончаровой, Д. Бурлюку» (Н. Дмитриева. Московское училище живописи, ваяния и зодчества. М., 1951, стр. 164–165). Борьба Маяковского с официальным академизмом и «левым» модернизмом совпала по времени с преследованием администрацией училища «леваков»: в 1910 году из училища было исключено 50 человек, среди них и М. Ларионов. Эти гонения не могли не вызвать протеста со стороны Маяковского. К тому же крикливые псевдореволюционные лозунги формалистов, принимавшиеся училищным начальством за «крамолу», стремление модернистов окружить себя неким ореолом «истинных борцов» за «новое искусство», апелляция к «свободному» творчеству способствовали тому, что Маяковский «ревинстинктом стал за выгоняемых». «А революционность эстетическая тесно связывалась им с революционностью вообще» (Г. С. Черемин «Ранний Маяковский», стр. 29). На этой почве и произошло вначале удивление: «подражателей лелеют — самостоятельных гонят», а затем и сближение с Д. Бурлюком и др.

Ларионов, Михаил Федорович (1881–1964) — художник. В 1910 году, исключенный из Училища живописи, ваяния и зодчества, основал вместе с художницей Н. С. Гончаровой общество живописцев-формалистов «Ослиный хвост». Перед войной 1914 года уехал за границу.

Машков, Илья Иванович (1881–1944) — художник, исключенный в 1910 году из Училища живописи, ваяния и зодчества, стал одним из организаторов объединения художников-формалистов «Бубновый валет» (1910–1926).

Объединения «Ослиный хвост» и «Бубновый валет» выступали

против идейности, порывая с высокими традициями реализма, отсюда вызывающие, крикливые названия объединений. Примитивизм, геометризация объемов, грубая фактура и упрощенность цветовой гаммы, искажение реального представления о мире — все это было свойственно художникам-формалистам. В советский период И. И. Машков сумел преодолеть формалистические принципы и стремился реалистически отражать советскую действительность в своем творчестве.

ДАВИД БУРЛЮК. *Бурлюк,* Давид Давидович (1882–1967) — сын управляющего имением графа Мордвинова, художник и поэт.

«Мое личное знакомство с Маяковским, — писал Бурлюк, — произошло в первых числах сентября 1911 года…» Маяковский, которому были чужды выверты модернизма, не мог не «задирать» «кубиста» Д. Бурлюка. Маяковский «преследовал меня своими шутками и остротами «как кубиста», — признавался Д. Бурлюк. — Дошло до того, что я готов был перейти к кулачному бою… Но случись это, и мне, с таким трудом попавшему кубисту, не удержаться в академии Москвы (за это по традиции всегда исключали)».

В КУРИЛКЕ. *Рахманинов,* Сергей Васильевич (1873–1943) — великий русский композитор, пианист и дирижер.

В период столыпинской реакции, наступившей после поражения русской революции 1905–1907 гг., когда в русском искусстве получили развитие модернистские течения, Рахманинов отстаивал и продолжал в своем творчестве традиции русских классиков в музыке. Однако угнетающая атмосфера реакции сказалась на ряде произведений Рахманинова. Так, симфонической поэме «Остров мертвых» (по мотивам одноименной картины Арнольда Беклина, 1909) свойственны мрачное, трагическое настроение, пессимизм. Отсюда оценка Маяковским «Острова мертвых» — «невыносимая мелодизированная скука».

ПАМЯТНЕЙШАЯ НОЧЬ. — В «Парижских очерках» (1923) Маяковский в шутливой манере писал: «Бурлюк и я стали футуристами от отчаянья: просидели весь вечер на концерте Рахманинова в «Благородном собрании» и бежали после «Острова мертвых», негодуя на всю классическую мертвечину».

Этот эпизод, происшедший 4 февраля 1912 года, явился «поводом для сближения, почва для которого, как мы видим, была подготовлена раньше… Таким образом, сближение

Маяковского с Бурлюком и в его лице с «левым» модернизмом началось на негативной основе, на почве неудовлетворенности существующим искусством. При этом в сознании Маяковского — при активном содействии Бурлюка — официальный консервативный «академизм» и традиции реалистической классики постепенно сливались в общее понятие «старого» искусства, которому следует противопоставить нечто принципиально новое, революционное… Маяковский шел в «левый», объективно псевдореволюционный лагерь искусства, субъективно преследуя свои, революционные, цели…» (Г. С. Черемин. «Ранний Маяковский», стр. 30).

СЛЕДУЮЩАЯ. *В этот вечер совершенно неожиданно я стал поэтом.* — Маяковский читал стихи Д. Бурлюку осенью 1912 года. Как отмечалось раньше (см. комментарий к главам «Первое полустихотворение» и «11 бутырских месяцев»), Маяковский писал стихи еще в 1907 году (для журнала «Порыв») и даже в одиночной камере Бутырской тюрьмы (1909). Однако известно и более раннее свидетельство о первых поэтических опытах Маяковского.

Следовательно. Маяковский не стал поэтом в один вечер. Строкам стихотворения, которые он прочитал Бурлюку, предшествовали опыты поэтического творчества, начиная с первого гимназического стиха и «первого полустихотворения». Сам же Маяковский, организуя в 1929 году выставку «20 лет работы», вел отсчет своей поэтической работы с 1909 «тюремного» года.

ТАК ЕЖЕДНЕВНО. *«Багровый и белый»* — начальные слова стихотворения «Ночь».

ПРЕКРАСНЫЙ БУРЛЮК. — Буржуазные толкователи жизни и творчества Маяковского, авторы антиисторических и вульгаризаторских работ о Маяковском «отталкиваются» в своих «исследованиях» преимущественно от слов «Прекрасный друг. Мой действительный учитель». Сторонники «левых» течений в искусстве также охотно цепляются за эти слова, «пытаясь доказать, что истоки творчества Маяковского находятся в футуризме и что футуризму обязан он своим поэтическим развитием. Буквально истолковывая строки автобиографии, современное буржуазное литературоведение всерьез хочет представить Бурлюка «учителем Маяковского» (Г. С. Черемин. «Ранний Маяковский», стр. 32).

Советское литературоведение в ряде убедительных научных

исследований показало, что истоки новаторства Маяковского лежат не в футуризме, а в связи поэта с Коммунистической партией, с пролетарским освободительным периодом борьбы в России, с лучшими традициями передовой русской литературы.

Известно, что сам Маяковский считал, что «научить» кого-либо поэтическому искусству невозможно (см. его статью «Как делать стихи?»).

Импонировавшая вначале Маяковскому антибуржуазная фразеология Бурлюка и так называемый «антиэстетизм» были на самом деле буржуазной идеологией и эстетизмом наизнанку.

Маяковский вскоре охладел к Бурлюку. На вопрос своего товарища по партии Вегера, «что такое Бурлюк и ему подобные», Маяковский ответил, что это «предприниматель, подрядчик: я работаю, а он антрепренер, я пролетарий, а он богач» (В. И. Вегер. — ГММ).

«Когда Володя вернулся из Америки и зашел к нам на Пресню, сестра Ольга Владимировна спросила его: «А как там поживает Бурлюк?» — Володя, усмехнувшись, ответил: «Он теперь уже не Бурлюк, а Бурдюк» (Стенограмма воспоминаний Л. В. Маяковской. — ГММ).

Под флагом борьбы с «застоем искусства» Бурлюк с необычайной легкостью озлобленного буржуазного обывателя оплевывал всех лучших представителей русской национальной культуры. «Ваятель будущего, на многие годы, на всю жизнь, на все времена», как громогласно афишировал он самого себя, Бурлюк вскоре после Октябрьской революции уехал в Соединенные Штаты Америки. И там, спекулируя именем Маяковского, Бурлюк в своих изданиях, выдержанных в стиле буржуазной рекламы, представлял Маяковского как футуриста, стремясь снизить великого поэта революции до своего уровня. В 1956 году этот «ваятель будущего», раболепствуя перед буржуа, изливал свою душу в печати: «Мы благодарны нашему богу за то, что он помог нам и спас нас… За тихую, счастливую, творческую жизнь в США».

Известный советский ученый литературовед Е. И. Наумов, опровергая бытовавшую легенду о плодотворности встреч Маяковского с Бурлюком, писал о «ваятеле»-эмигранте: «Этот эстет и коммерсант в искусстве, несмотря на сочувственные слова Маяковского о нем, мог играть лишь отрицательную роль в идейной эволюции поэта» (В. В. Маяковский. «Семинарий». Издание четвертое. Л., Учпедгиз, 1963, стр. 35).

…завез к себе в Новую Маячку. — Имение графа Мордвинова, в котором управляющим был отец Д. Д. Бурлюка.

«ПОЩЕЧИНА». — «Пощечина общественному вкусу», сборник футуристов, в котором были напечатаны стихотворения Маяковского «Ночь» и «Утро». «Пощечина», по одним данным, вышла в декабре 1912 года, авторы же сборника — Д. Бурлюк, В. Хлебников, А. Крученых и др. — в листовке, изданной в начале 1913 года, указывали время выхода — 1913 год В В. Маяковский писал: «Футуризма как единого точно формулированного течения в России до Октябрьской революции не существовало…

Единственным манифестом этой группы было предисловие к сборнику «Пощечина общественному вкусу», вышедшему в 1913 году» (Письмо о футуризме, 1922).

Писатель Б. А. Лавренев, знавший Бурдюков, так пишет о «зарождении» «отечественного футуро-кубизма». «Коренастый, неуклюжий коротконогий Давид Бурлюк, приставив к глазам неразлучный лорнет, стоял перед развешанными по стенам мастерской своими превосходными, немного импрессионистскими пейзажами… и, кривя рот, говорил, что на классических традициях, на серьезной живописи в наше время ни славы, ни капитала не наживешь и что нужно глушить буржуа и обывателя дубиной новизны. Таково было «идейное» обоснование новаторства в литературе и искусстве» («Советские писатели. Автобиографии») М., ГИХЛ. 1959, т. 1, стр. 616).

Сборник «Пощечина» был выпущен по инициативе предприимчивого Д. Бурлюка с целью утверждения «слововождя» В. Хлебникова. «Слововождю» в сборнике отведено более 43 процентов объема, братьям Д. и Н. Бурлюкам — более 37 процентов, в то время как Маяковский получил более чем скромную «площадь» — около 4 процентов.

Хлебников, Виктор (Велемир) Владимирович (1885–1922) — поэт. Маяковский считал: «Хлебников — не поэт для потребителей Его нельзя читать. Хлебников — поэт для производителя

У Хлебникова нет поэм. Законченность его напечатанных вещей — фикция. Видимость законченности чаще всего дело рук его друзей» (В. Маяковский. «В. В. Хлебников», 1922).

…футуристический иезуит слова — Крученых. — Крученых, Алексей Елисеевич (1886–1966) — поэт-футурист, пытавшийся изобрести новый поэтический язык («заумь»). По словам Маяковского, «у Крученых есть методы обработки материала, но совершенно нет политической, общественной установки…» (Выступление на пленуме РЕФ).

«Я буду последним идиотом, — говорил Маяковский на Первой Всесоюзной конференции пролетарских писателей (9 января 1925), если скажу. «Товарищи, переписывайте Алексея

Крученых с его «дыр бул щыл». Нет, мы говорим: когда ты даешь революционную боевую песнь, то помни, что мало в этой песне дать случайное выражение, которое подвернется под руку, а подбирай слова, которые выработали до тебя поколения предыдущей литературы… Поэтому не вбивайте в головы всей той чепухи, которая не годна ни для страниц газет, ни для митинга, ни для революционного празднества».

ПОШЕВЕЛИВАЮТСЯ. *«Бубновый валет»* — объединение московских живописцев (см. комментарии к гл. «Последнее училище»).

ЖЕЛТАЯ КОФТА. — О нашумевшей «проблеме» желтой кофты лучше всего сказано в воспоминаниях старшей сестры поэта.

«Я спросила маму:

— Как возникла эта кофта?

Мама рассказала:

— Утром принес Володя бумазею. Я очень удивилась ее цвету, спросила, для чего она, и отказалась было шить. Но Володя настаивал: «Мама, я все равно сошью эту блузу. Она мне нужна для сегодняшнего выступления. Если вы не сошьете, то я отдам портному. Но у меня нет денег, и я должен искать и деньги и портного. Я ведь не могу пойти в своей черной блузе! Меня швейцары не пропустят. А этой кофтой заинтересуются, опешат и пропустят. Мне обязательно нужно выступить сегодня…

В конце 1914 года, собираясь ехать в Петроград, он сказал нам:

— Если придет старьевщик, то скажите ему, чтоб зашел вечером. Я хочу кое-что продать.

Брату нужны были деньги на дорогу.

Вечером пришел старьевщик…

Так закончила свое существование желтая кофта, о которой не перестают вспоминать.

…Когда еще живы были моя веселая сестра и наша ласковая, добрая мама, мы сидели втроем за чайным столом, и сестра спросила:

— А сколько стоил до революции один аршин бумазеи?

Я ответила:

— Двадцать копеек.

— Значит, Володина желтая кофта обошлась в один рубль двадцать копеек.

Мы долго смеялись: желтая кофта обошлась Маяковскому так дешево. А сколько заработали на ней ее так называемые критики и исследователи! Сколько написано о ней вздора!» («О Владимире

Маяковском», стр. 171–172).

РАЗУМЕЕТСЯ. — Постановлением совета Училища живописи, ваяния и зодчества Маяковский был исключен из училища 21 февраля 1914 года.

ВЕСЕЛЫЙ ГОД. *Вася Каменский* — Василий Васильевич Каменский (1884–1961), поэт, драматург, беллетрист. Один из первых русских летчиков Был близок Маяковскому «по своим взглядам, так как он в 1905 году принимал активное участие в революционной борьбе» («О Владимире Маяковском», стр. 170).

В двадцатых годах В. Каменский был популярен как автор пьесы «Стенька Разин» и поэмы «Емельян Пугачев».

Это время завершилось трагедией «Владимир Маяковский». — Старшая сестра поэта вспоминает: «…Трагедия «Владимир Маяковский» была написана в Кунцеве, на даче Богровникова, где мы жили с 18 мая до конца августа 1913 года…

Володя чувствовал себя одиноко Он целыми днями бродил по кунцевскому парку, Крылатскому, Рублеву и писал свою трагедию.

Комната Володи на антресолях. Он записывал рифмы, слова, строки стихов на папиросных коробках и клочках бумаги. Просил маму ничего не выбрасывать» («О Владимире Маяковском», стр. 173).

Трагедия углубила и заострила мотивы, звучавшие в стихах Маяковского этих лет, в ней большую определенность приобретала тема страдания угнетенных. Этот мотив связан со все усиливающейся тревогой, которая разрешается мятежом, восстанием.

2 и 4 декабря 1913 года пьеса была поставлена в Петербурге в театре «Луна-парк».

НАЧАЛО 14-го ГОДА. *Думаю над «Облаком в штанах».* — Речь идет о замысле первой революционной поэмы Маяковского.

ВОЙНА. — «Война порождена империалистскими отношениями между великими державами, — писал В. И. Ленин, — т. е. борьбой за раздел добычи, за то, кому скушать такие-то колонии и мелкие государства, причем на первом месте стоят в этой войне два столкновения. Первое — между Англией и Германией. Второе — между Германией и Россией. Эти три великие державы, эти три великих разбойника на большой дороге являются главными величинами в настоящей войне, остальные — несамостоятельные союзники» (В. И. Ленин.

Полн. собр. соч. т. 30, стр. 185). В орбиту войны вскоре были втянуты 38 стран с населением свыше полутора миллиардов человек, то есть 75 процентов всего населения земного шара.

Стихотворение «Война объявлена». — Первое антивоенное стихотворение, написанное в июле 1914 года, сразу же после объявления войны.

АВГУСТ. *Первое сражение… Пошел записываться добровольцем…* — Первая мировая война разразилась 19 июля (1 августа) 1914 года.

В самом начале войны Маяковский подал прошение на имя московского градоначальника с просьбой выдать ему документ о политической благонадежности для поступления добровольцем в действующую армию.

В своем ответе от 12 ноября 1914 года канцелярия московского градоначальника, наведя более точные справки о революционной деятельности Маяковского, просила объявить «дворянину Владимиру Владимировичу Маяковскому, проживавшему по Б. Пресне в д. № 36, в ответ на его прошение о выдаче свидетельства о благонадежности, что таковое ему выдано быть не может». Это отношение было объявлено поэту под роспись 16 ноября 1914 года в пресненской части.

И у полковника Модля оказалась одна хорошая идея. — Начальник Московского охранного отделения В. Ф. Модль имел непосредственное отношение к отказу о выдаче Маяковскому справки о политической благонадежности.

ЗИМА. *«Ах, закройте, закройте глаза газет» и другие.* — Речь идет о стихотворении Маяковского «Мама и убитый немцами вечер» (октябрь 1914), в котором поэт развивает антивоенную тему (см. также стихотворение «Воина объявлена», написанное на следующий день после объявления воины).

«Война 1914 года была первым испытанием на общественность, — писал позднее Маяковский. — …Война велела видеть завтрашнюю революцию («Облако в штанах»)» («За что борется Леф?», 1923).

Интерес к искусству пропал вовсе. — Сказано не совсем точно: пропал интерес к поэзии Северянина, Бальмонта и др. декадентов, к их болтовне об искусстве. Мыслями и чувствами самого Маяковского в это время завладели большие темы: судьба родины, народа, человечества.

Максим Горький в период первой мировой воины отмечал, что «Маяковский ищет слияния с народными массами и свое «я» понимает только как символ массы, до дна поднятой и

взволнованной войной» (Вс. Рождественский. «А. М. Горький», «Звезда», 1944, № 4. стр. 85).

КУОККАЛА. *Куоккала* — с 1948 года поселок Репино, дачное место в 44 километрах от Ленинграда.

Маяковский, живя в Куоккала, бывал на даче К. И. Чуковского, режиссера Н. Н. Евреинова и в знаменитом репинском доме «Пенаты» — месте паломничества и встреч многих деятелей культуры.

Поехал в Мустамяки. М. Горький. Мустамяки — дачное место под Петроградом.

Как вспоминает актриса М. Ф. Андреева, встреча Маяковского с Горьким произошла осенью 1914 года в местечке Мустамяки, на вилле Ланг, где жил в то время Горький и куда к нему приехал молодой поэт. Встреча была обоюдно теплой. «Алексей Максимович сильно увлекся талантливым и темпераментным Владимиром Владимировичем, а Владимир Владимирович, несомненно, чувствовал то, что большинство настоящих талантливых людей по отношению к Алексею Максимовичу, — огромное уважение и благодарность» («М. Горький в воспоминаниях современников», М., ГИХЛ, 1955, стр. 285).

По другим свидетельствам первая встреча Маяковского с Горьким произошла в 1915 году. Время их знакомства точно не установлено. Отношение М. Горького к футуризму в целом было резко отрицательным. Он рассматривал это течение в ряду других антиреалистических, буржуазно-эстетических группировок начала XX века. «Большинство этих течений, — справедливо отмечал Горький, — явно антисоциальны, антидемократичны и не жизнеспособны, ибо чисто литературны, выдуманы, искусственно внесены на русскую почву, в русский быт» (М. Горький. Статьи 1905–1916 гг., 2-е изд., Пг., изд-во «Парус», 1918, стр. 90). По мнению Горького, поэзия Маяковского, «поднимая вопросы общественной совести, социальной ответственности, несет в себе ярко выраженное русское национальное начало» (Вс. Рождественский. «А. М. Горький», «Звезда», 1944, № 4, стр. 85).

«Алексей Максимович за последнее время носится с Вл. Маяковским. Он считает его талантливейшим, крупным поэтом… Он говорит о размахе Маяковского, о том, что у него «свое лицо». «Собственно говоря, никакого футуризма нет, а есть только Вл. Маяковский. Поэт. Большой поэт», — писал в своем дневнике в 1916 году Вс. Рождественский («М. Горький в воспоминаниях современников», стр. 337).

«НОВЫЙ САТИРИКОН» — сатирический журнал буржуазно-либерального направления. Выступая против отдельных пережитков крепостничества и бюрократического производства, забавлял буржуазно-мещанского читателя «сытым» смехом. Маяковский пришел в «Сатирикон» в феврале 1915 года. Об этом В. Каменский писал: «В Петрограде Маяковского, к его неожиданному удивлению, пригласили участвовать в еженедельном сатирическом журнале «Новый Сатирикон». Один из основателей журнала «Новый Сатирикон», художник Алексей Радаков, рассказал мне:

— Мы с Алексеем Толстым сидели завтракали на Невском в ресторане «Рейтер». Видим, появляется здоровенная импозантная фигура Маяковского. Маяковский выразил свое согласие и на другой же день в указанный час принес первые стихи, написанные специально для «Сатирикона». Правда, перед появлением такого невероятного поэта редактор Аверченко спросил: «А вдруг Маяковский развратит всю нашу редакцию?» При общем одобрении я ответил: «Если наша редакция такая бездарная, то пусть развращает». Однако все обошлось благополучно. И я стал иллюстрировать стихи Маяковского» (В. Каменский. «Жизнь с Маяковским», М., 1940, стр. 146–147).

Аркадий Бухов вспоминает: «Маяковский, по-видимому, дорожил — и не скрывал этого — своей работой в «Новом Сатириконе». Это был первый журнал, в котором он выступал перед широкой интеллигентской аудиторией…

Он очень чутко реагировал на отношение к нему редакции. Наигранная развязность и мальчишеская любовь к дерзости совершенно покидали его, когда он бывал на редакционных заседаниях или просто заходил посидеть.

Однажды поэт Потемкин иронически и не совсем деликатно подчеркнул это:

— У нас вы совсем не хамите, Владимир Владимирович.

Маяковский покраснел и сердито сказал:

— Если это вас мучит, Потемкин, могу сепаратно зайти к вам домой и нахамить.

Маяковскому даже в те молодые годы стал уже сильно надоедать тот ореол скандалиста, которым его наградили поклонники и который усиленно поддерживают теперь воспоминатели и биографы.

— Из меня хотят сделать клоуна, — говорил он, — и все сразу стараются получить контрамарку на первое представление, чтобы не опоздать» («Литературная газета», 1935, 15 апреля).

Первое стихотворение Маяковского в «Новом Сатириконе» — «Судья» (впоследствии — «Гимн судье») — было напечатано в

феврале 1915 года, последнее — «Братья писатели» — обращение к «литературной братии» было направлено не только против доморощенных московских мэтров, но и тех «сатириконцев», которые забавлялись зубоскальством и легковесным юмором.

РАДОСТНЕЙШАЯ ДАТА. *Знакомлюсь с Л. Ю. и О. М. Бриками.* — Л. Ю. Брик (р. 1891), урожденная Каган, жена О. М. Брика (1888–1945).

Знакомство Маяковского с Бриками состоялось летом 1915 года. Вскоре, совсем не случайно, в автобиографической поэме «Флейта-позвоночник» Маяковский гневно пишет о своей оскорбленной любви. «Сердце обокравшая, всего его лишив, вымучившая душу в бреду мою» — так обращается поэт к объекту своей любви во «Флейте».

Любовь!
Только в моем
Воспаленном
мозгу была ты!
Глупой комедии остановите ход!
Смотрите —
срываю игрушки-латы
я,
величайший Дон-Кихот! —

писал Маяковский в стихотворении 1916 года «Анафема» (впоследствии названном «Ко всему»).

О быте Бриков и их сложных взаимоотношениях с Маяковским обстоятельно рассказали в своих воспоминаниях художницы Е. Лавинская (сб. «Маяковский в воспоминаниях родных и друзей») и Е. Семенова, работавшие в 20-е годы вместе с Маяковским в журнале «Леф». Е. Семенова пишет: «Прежде всего он был одинок при этих двух «любящих» его людях и, вероятно, не обо всем мог с ними говорить» (ГММ). Об этих взаимоотношениях говорится и в статьях «Любовь поэта» и «Трагедия поэта», напечатанных в журнале «Огонек» за 1968 год (№№ 16, 23, 26).

Советский поэт Ярослав Смеляков в стихотворении «Я себя под Лениным чищу…», выражая чувство глубокой горечи по поводу трагической гибели Маяковского, писал:

Ты себя под Лениным чистил,
душу, память и голосище,
и в поэзии нашей нету

до сих пор человека чище.
Ты б гудел, как трехтрубный крейсер,
в нашем
общем многоголосье,
но они тебя доконали,
эти лили да эти оси…

(Альм. «Поэзия», № 10, «Молодая гвардия», 1973, стр. 71).

ПРИЗЫВ. — Маяковский был призван на военную службу в сентябре 1915 года и определен в военно-автомобильную школу (Петроград).

В письме к матери и сестрам Маяковский сообщал: «Только сейчас окончились мои мытарства по призыву, спешу вам написать и успокоить.

Я призван и взят в Петроградскую автомобильную школу, где меня определили в чертежную, как умелого и опытного чертежника.

Беспокоиться обо мне совершенно не следует. После работы в школе я могу вести все те занятия, какие вел и раньше. Адрес мой остается прежний… Пришлю свою «военную» карточку» («О Владимире Маяковском», стр. 184).

«Чтобы его (Маяковского. — В. М.) не отправили на фронт, чего теперь не хотел он сам, так как и в тылу достаточно рассмотрел империалистическую войну, А. М. Горький помог ему устроиться в Петроградскую автомобильную школу» («О Владимире Маяковском», стр. 184).

СОЛДАТЧИНА. — В «Посвящении» к поэме «Война и мир» Маяковский говорит: «8 октября. 1915 год. Даты времени, смотревшего в обряд посвящения меня в солдаты» — здесь, очевидно, речь идет о присяге, к которой приводился «ратник 2-го разряда» Маяковский. С этой даты и началась «солдатчина», продолжавшаяся до октября 1917 года.

В голове разворачивается «Война и мир». — издатель И П. Ладыжников рассказывает, что в период создания поэмы «Война и мир» Маяковский встречался с А. М. Горьким и тот большое участие принимал в судьбе поэта. «Первое свидание, кажется, было в редакции «Летописи»… А потом было чтение В. В. Маяковским своих стихов… Затем замыслы «Войны и мира», чтение этого произведения. Неделя за неделей шли их свидания… Чаще всего свидания были в редакции. Алексей Максимович бывал там очень часто… Потом пошло издание этого

произведения, возня с цензурой, цензурные точки в этой вещи, как и в «Простое как мычание»…

У Алексея Максимовича было к Маяковскому отношение самое бережное, как ко всякому начинающему, особенно талантливому человеку. А Алексей Максимович чувствовал, что Маяковский талантливый поэт… считал его выдающимся поэтом для того периода» (ГММ).

Не следует забывать, что А. М. Горький принял самое активное участие в составлении и выпуске первой книги стихов Маяковского «Простое как мычание» (изд. «Парус», 1916). При отборе в эту книгу стихов Маяковский советовался с Алексеем Максимовичем и по его совету многое выбросил из своего первого варианта и добавил новые стихи.

Горькому очень нравились лирические произведения Маяковского.

…в сердце «Человек». — Речь идет о поэме, над которой Маяковский работал одновременно с «Войной и миром» в течение 1916 года.

По свидетельству М. Ф. Андреевой, Алексей Максимович «очень восторженно относился к поэме «Человек», к поэмам «Война и мир» и «Облако в штанах», нередко он говорил с Владимиром Владимировичем, намечая ряд новых тем» («М. Горьким в воспоминаниях современников», стр. 285).

16-й ГОД. *Куски печатаю в «Летописи».* — Первый номер журнала «Летопись» под редакцией А. М. Горького вышел в декабре 1915 года. Маяковский был приглашен Горьким в число постоянных сотрудников журнала.

В журнале была опубликована только пятая часть поэмы «Война и мир». Дальнейшая публикация была запрещена цензурой в связи с антивоенным и антикапиталистическим направлением поэмы.

26 ФЕВРАЛЯ. 17-й ГОД. *Родзянко* М. В. (1859–1924) — крупный помещик, один из лидеров партии октябристов. Возглавлял комитет Государственной думы. Один из организаторов «корниловщины». В 1920 году эмигрировал из России.

Милюков П. Н. (1859–1943) — историк, один из лидеров партии кадетов, идеолог русской империалистической буржуазии, министр Временного правительства. Один из организаторов корниловского мятежа. В 1920 году эмигрировал из России.

Гучковеет. — Словообразование от фамилии Гучков.

Гучков А. И. (1862–1936) — крупный промышленник, основатель и лидер партии октябристов, министр буржуазного Временного правительства. Один из организаторов «корниловщины». В 1918 году эмигрировал.

АВГУСТ. *Россия понемногу откеренщивается.* Откеренщивается — словообразование от фамилии Керенский («керенщина»), главы Временного правительства. «Откеренщивается», то есть Россия перестала доверять буржуазному Временному правительству.

Керенский А. Ф. (1881–1970) — адвокат, эсер. В. И. Ленин характеризовал его как полукадета, бонапартиста, героя левой фразы и опасного агента империалистической буржуазии. В 1918 году Керенский эмигрировал из России.

Ухожу из «Новой жизни». — Стихи Маяковского, написанные между февралем и октябрем 1917 года, после ухода поэта из «Нового Сатирикона», печатались в «Новой жизни». Возможность печататься в этой газете Маяковский получил благодаря Горькому. По свидетельству одного из членов редакции, стихотворения Маяковского шли прямо к Горькому и печатались без всякой редакционной правки. 26 августа 1917 года в «Новой жизни» была напечатана третья часть поэмы «Война и мир». Отказ Маяковского от сотрудничества в газете связан с несогласием поэта с позицией большинства «новожизненцев», которые в решающих вопросах внутренней и внешней политики по мере приближения Октября все более соглашались с меньшевиками.

В те дни поэт писал:

Ешь ананасы, рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй!

ОКТЯБРЬ. *Пошел в Смольный.* — «В день великого революционного переворота Володя находился в Смольном, где помещался штаб большевиков и где он впервые близко увидел Ленина…

Уже в начале ноября он участвовал в совещании писателей и других деятелей искусств, созванном в Смольном новой, Советской властью. На совещание, как рассказывали свидетели, пришло всего пять-шесть человек, так как одни не хотели признавать Советскую власть, другие выжидали» («О Владимире Маяковском», стр. 197–198). Среди пришедших в Смольный (помимо Маяковского) были А. Блок, В. Мейерхольд, Л. Рейснер…

Партийный работник Б. Ф. Малкин рассказывает об этом совещании: «Вся ночь прошла в разговорах, как нужно

организовать интеллигенцию, что нужно сделать для этого, и Маяковский все это воспринимает как-то пламенно, радостно. Вспомнили мы тогда его прошлое подполье, тюремные дни в Бутырках. Перед нами был преданный политический деятель» (Стенограмма выступления Б. Малкина на вечере памяти Маяковского 14 апреля 1935 года, ЦГАЛИ).

Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня (и для других москвичей-футуристов) не было. — Слова Маяковского об отношении «москвичей-футуристов» к Октябрю нуждаются в пояснении. Вскоре после Октябрьской революции за границу сбежали не только реакционеры типа Д. Мережковского, но и «отец российского футуризма» Д. Бурлюк, эгофутурист И. Северянин. «Москвичи-футуристы» не приняли активного участия делом в социалистической революции и не шли дальше революционной фразы, демагогии о своей «левизне» и своих претензий на «государственное» искусство.

В принцип возводилась ошибка, от которой решительно предостерегал пролетарских революционеров В. И. Ленин. «Единственное, что губило все революции, это — фраза, это лесть революционному народу, — говорил он. — Весь марксизм учит не поддаваться революционной фразе, особенно в такой момент, когда она особенно ходка» (В. И. Ленин. Полн собр. соч., т. 31, стр. 108).

Футуристические «теоретики», не будучи ни в какой мере марксистами, бездумно перетолковывали на свой манер отдельные формулы научного коммунизма и докатились до глупейшего утверждения, будто «футуризм не только художественное движение, это целое мировоззрение, лишь базирующееся на коммунизме, но в итоге оставляющее его, как культуру позади» («Искусство коммуны», 1919, 19 января).

Подобное фразерство было чуждо Маяковскому. Он утверждал радость коммунистического деяния, издеваясь над «праздными ораторами», над теми «канительщиками», которые, прикрывшись «листиками мистики, лоб морщинками изрыв», — футуристами, имажинистами, акмеистами — запутались «в паутине рифм». В отличие от этих «москвичей-футуристов», среди которых было много самохвалов и прожектеров, Маяковский не только принял Октябрьскую революцию, не только приветствовал новую власть и вошел с ней «в контакт», но и с ярчайшего дня, с первых шагов сознательно поставил «свое перо в услужение, заметьте, в услужение, сегодняшнему часу, настоящей действительности и проводнику ее — Советскому правительству и партии» (Выступление на диспуте «Пути и политика Совкино»).

ЯНВАРЬ. *Пишу киносценарий. Играю сам.* — В начале 1918 года Маяковский был приглашен в кинофирму «Нептун». Им были написаны три киносценария «Не для денег родившийся» (по роману Джека Лондона «Мартин Иден»), «Барышня и хулиган» (по книге Э. Амичис «Учительница рабочих») и «Закованная фильмой». В этих фильмах Маяковский снимался в главных ролях.

По мнению Маяковского: «Кино — рассеиватель идей… Капитализм засыпал ему глаза золотом. Ловкие предприниматели водят его за ручку по улицам. Собирают деньги, шевеля сердце плаксивыми сюжетцами.

Этому должен быть конец.

Коммунизм должен отобрать кино у спекулятивных поводырей» («Кино и кино», 1922).

18-й ГОД. *Заходил в Пролеткульт к Кшесинской.* — Центральная организация Пролеткульта («Пролетарская культура») в 1918 году помещалась в бывшем особняке балерины императорского театра М. Ф. Кшесинской (Петроград). Узость взглядов руководства Пролеткульта, которое пыталось вести свою особую, отличную от Коммунистической партии линию в вопросах литературы, оттолкнула Маяковского от пролеткультовцев.

25 ОКТЯБРЯ, 18-й ГОД. *Окончил мистерию.* — Премьера «Мистерии-буфф» в театре «Музыкальной драмы» состоялась 7 ноября 1918 года. Маяковский играл роль Человека. «Это было прекрасное сильное зрелище!» (В. Соловьев. — ГММ). На премьере перед началом спектакля А. В. Луначарский произнес вступительное слово.

Присутствовавший на премьере А. Блок дал высокую оценку «Мистерии-буфф» (см. Александр Блок. Записные книжки. 1901–1920. М., «Художественная литература», стр. 434–435).

Мейерхольд, Всеволод Эмильевич (1874–1940) — режиссер и актер. *Малевич,* Казимир Северинович (1878–1935) — художник. *Андреева* (Юрковская), Мария Федоровна (1868–1953) — актриса, в то время заведующая театральным отделом Петроградского Совета.

19-й ГОД. *В Выборгском районе организуется комфут, издаем «Искусство коммуны».* — Короткое время в Выборгском районе Петрограда существовала группа так называемых «коммунистов-футуристов» (комфут). «…Чрезвычайно вредная черта комфутов заключается в том, — отмечал А. В. Луначарский в тезисах о

политике РКП в области литературы, — что они оплевывают прошлое и стараются разорвать связь новой культуры со старой, с лучшими ее проявлениями, с классиками и т. д., то есть делают как раз то, зовут как раз к тому, от чего так энергично предостерегал Ленин» («Литературное наследство», т. 20, стр. 33).

Следует подчеркнуть, что «увлечение» Маяковского «комфутскими» идеями было случайным и временным. Эти идеи в основном исходили от таких комфутов, как О. Брик, Л. Брик, Б. Кушнер, Д. Штеренберг, Н. Альтман и др.

«Искусство коммуны» — еженедельная газета (орган отдела изобразительных искусств Наркомпроса) — из номера в номер усилиями комфутов вела обстрел художественного наследия классиков. В этом отношении наиболее характерной является статья О. Брика «Дренаж искусству», в которой все наследие классиков объявлялось реакционным, буржуазным, уподоблялось идейному чаду.

Пошел в агитацию Роста — то есть начал работать над окнами сатиры РОСТА (октябрь 1919 — январь 1921). С 1921 года выпуск «окон» был перенесен в Главполитпросвет.

20-й ГОД. *Кончил «Сто пятьдесят миллионов».* — Константин Федин пишет: «Обособленный от узких вкусов, стоявший всегда над школами, Горький… однажды… нетерпеливо спросил меня.

— Вы слушали Маяковского?.. Послушайте… прочитал мне свои «150 000 000». Какой, скажу я вам, человечище!..» (Конст. Федин. «Горький среди нас», М., «Советский писатель», 1977, стр. 95).

21-й ГОД. *…ставлю второй вариант мистерии.* — 19 января Маяковский выступил в Доме печати с чтением второй редакции «Мистерии-буфф». 31 января состоялся разговор Б. Ф. Малкина с В. И. Лениным о Маяковском. В своем письме В. Э. Мейерхольду, написанном не сразу после свидания с Лениным, Малкин писал: «Необходимо поставить (мы заинтересовали большую группу партийных товарищей) Мистерию для партсъезда. Я говорил с Лениным о Маяковском и о Мистерии — мы с ним условились, что он прослушает пьесу (в чтении автора). Но теперь уж лучше подождать постановки» (ГММ). Однако постановка «Мистерии», приуроченная к открытию X съезда партии (8 марта 1921) не была осуществлена. Первое представление состоялось 1 мая 1921 года.

Лавинский, Антон Михайлович (1893–1968), *Храковский,* Владимир Львович (р. 1893), *Киселев,* Виктор Петрович (р. 1895) — художники. *Грановский,* Алексей Михайлович (1891–

1935) — режиссер; *Альтман,* Натан Исаевич (1889–1970), *Равдель,* Ефим Владимирович — художники.

22-й ГОД. *Организую издательство МАФ.* — Московская ассоциация футуристов.

Третьяков, Сергей Михайлович (1892–1939) — писатель.

«Пятый интернационал» — поэма не была завершена. Написано две части из восьми задуманных.

23-й ГОД. *Организуем «Леф».* — «Левый фронт искусств» — название литературной группы, выпускавшей журнал того же названия (1923–1925). Организуя «Леф» и издание журнала этой группы, Маяковский, по его признанию, хотел *«собрать* воедино *левые силы»* («За что борется Леф?»), чтобы «способствовать нахождению коммунистического пути для всех родов искусства», пересмотрев «идеологию и практику так называемого левого искусства, отбросив от него индивидуалистическое кривлянье» (Письмо в агитотдел ЦК РКП/б/ об издательском плане «Леф»). Говоря словами Маяковского, левого фронта не существовало. Он был «до сих пор только в идее» («За что борется Леф?») и состоял из небольшой группки сторонников футуризма. В первое время Маяковский отдал много сил, чтобы перевести «людей искусства, мало вникавших в политику», на позиции революции. Через большинство передовиц в журнале «Леф», написанных Маяковским, проходит единая мысль ориентироваться на идеи и опыт Октябрьской революции. «Октябрь учил работой», «Революция многому выучила нас», «В революцию мы накопили множество правд…» («За что борется Леф?», «Кого предостерегаем Леф?»). Маяковский стремился вывести «левое» искусство на широкий простор жизни: «Работой в сегодня покажите, что ваш взрыв не отчаянный вопль ущемленной интеллигенции, а борьба — работа плечом к плечу со всеми, с рвущимися к победе коммуны». Великий поэт Октября предупреждал лефовцев: «Бойтесь стать очередной эстетической школкой…

Искуснейшие формы останутся черными нитками в черной ночи, будут вызывать только досаду, раздражение спотыкающихся, если мы не применим их к формовке нынешнего дня — дня революции» («Кого предостерегает Леф?»).

Характерно, что, отвечая на слова одного из критиков-формалистов, печатавшегося в журнале «Леф»: «Мы не марксисты и не будем марксистами», — Маяковский твердо заявил. «Мы были марксисты, будем марксисты и хотим быть хорошими марксистами» (ЦГАОР УССР).

Формализм «теоретиков» лефовцев резко противоречил той

революционной программе, которую стремился осуществить, создавая Леф, Маяковский. Издание журнала «Новый Леф» (1927–1928) было новой попыткой Маяковского создать живой, творческий коллектив, объединенный основной общей целью.

Однако идейно-художественное размежевание внутри группы зашло так далеко, что в августе 1928 года Маяковский вынужден был выйти из редакции; редактирование последних номеров журнала «Новый Леф» осуществлялось С. М. Третьяковым.

Выступая на конференции Московской Ассоциации пролетарских писателей (1930), Маяковский подверг резкой критике лефовцев; «Леф» — это эстетическая группа, которая… сделала из революционной литературы замкнутое в себе новое эстетическое предприятие».

25-й ГОД. *«Сам пройдись по небесам».* — Сборник не был издан.

1927-й ГОД. *…против… психоложества искусством.* — Речь идет о выступлении против изображения сугубо личных и мелких, не имеющих собственного значения, переживаний.

«Универсальный ответ». — Замысел книги остался неосуществленным.

1928-й ГОД. *Пишу поэму «Плохо».* — Поэма не была написана, с этим замыслом связано создание пьес «Клоп» и «Баня».

14 апреля 1930 года прервалась жизнь талантливейшего поэта нашей эпохи, во всех центральных и периферийных газетах появилось сообщение:

«Телеграфное агентство Советскего Союза (ТАСС) и Телеграфное агентство РСФСР (РОСТА) с глубокой скорбью извещают о смерти В. В. Маяковского, отдавшего свой огромный талант на службу Октябрьской Революции…»

В. Макаров.